

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2022

№ 26

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя
С.С. Земичева (Москва, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Мызников
(Москва, Россия)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)

Е.А. Юрина (Москва, Россия)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson

Svetlana S. Zemicheva (Moscow, Russia) – Executive Editor

Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)

Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)

Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)

Ilena Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц	5
Купчик Е.В. Внутренний мир человека в метафорических моделях с объектной областью «драгоценные камни» (на материале словарей поэтических образов)	30

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Ойноткинова Н.Р. О концепции этнолингвистического мифологического словаря алтайцев	54
Тюрин П.М. Разработка словарной статьи текстовой скрепы «прежде всего» для «Словаря служебных слов русского языка»	78

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Резанова З.И., Владимирова В.Е., Машанло Т.Е. Психолингвистическая база данных TurkWordPerception как лексикографический источник (оценки вклада модальностей восприятия в семантику)	96
--	----

CONTENTS

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Bredis M.A., Ivanov E.E. Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs	5
Kupchik E.V. The inner world of a person in metaphorical models with the object domain “precious stones” (based on dictionaries of poetic images)	30

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Oynotkinova N.R. On the conception of an ethnolinguistic mythological dictionary of the Altaians	54
Tiurin P.M. Development of a dictionary entry of the text connector “first of all” for the <i>Dictionary of Function Words of the Russian Language</i>	78

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Rezanova Z.I., Vladimirova V.E., Mashanlo T.E. Psycholinguistic database TurkWordPerception as a lexicographic source (assessments of the contribution of perception modalities to semantics)	96
--	----

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'373+008
doi: 10.17223/22274200/26/1

Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц

Михаил Алексеевич Бредис¹, Евгений Евгеньевич Иванов^{2,3}

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

² *Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
Могилёв, Республика Беларусь*

³ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

¹ *bredis-ma@rudn.ru*

^{2,3} *ivanov_ee@msu.by*

Аннотация. Рассматривается содержание культурологически ориентированного комментария пословиц в полилингвальной паремиографии. Обосновывается специфика лингвокультурологического комментария как инструмента сопоставительного описания пословиц в словаре. На материале русских пословиц «о дураке» и их аналогов в отдельных славянских, балтийских, финно-угорских и тюркских языках показываются возможности лингвокультурологического комментария в выявлении и словарной репрезентации национальной специфики языковой и фоновой пословичной семантики.

Ключевые слова: пословица, полилингвальный словарь, языковая семантика, фоновая семантика, лингвокультурологический комментарий

Благодарности: публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично проведено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований 2021–2025, проект № 20211335 (Республика Беларусь).

Для цитирования: Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. doi: 10.17223/22274200/26/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/1

Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs

Mikhail A. Bredis¹, Eugene E. Ivanov²

¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation*

²*Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation*

¹*bredis-ma@rudn.ru*

²*ivanov_ee@msu.by*

Abstract. The article examines the principles and content of a culturally oriented commentary on proverbs in comparative dictionaries. It substantiates the specifics of the linguoculturological commentary as a tool for the comparative description of proverbs in a multilingual dictionary. The methodological basis of the study is the provisions of the proverb theory reflected in the latest publications that consider proverbs as elements of the language and as a variety of aphoristic units, linguoculturological analysis of proverbs, their differentiation according to the degree of national specificity / commonality with other languages and the principles of reflecting such differentiation in comparative paremiography. Based on the material of Russian proverbs “about a fool” and their counterparts in certain Slavic, Baltic, Finno-Ugric and Turkic languages, the possibilities of linguoculturological commentary in identifying and dictionary representation of the national specificity of proverbial semantics are shown. Actually, the choice of this group of proverbs and languages of comparison is random, which significantly increases the representativeness of the study, makes its results deliberately objective, since in this case they can be extended to any groups of proverbs in any languages. The article formulates the main principles of the linguoculturological commentary in a polylingual dictionary: firstly, the proverbs of both the input language and the output language should be commented equally; secondly, proverb commentaries in all languages must be relevant (it means that volume, structure, subject orientation and depth of commenting should be the same for each language); thirdly, the most significant components of proverb content and form for the interlingual comparison should be the subject of commenting; fourthly, commentaries should be given separately for each proverb of each language, however, in terms of content,

they should be projected onto each other. At the same time, in multilingual paremiological dictionaries, the interlingual linguocultural projection is of particular importance. The linguoculturological commentary in the proposed form will significantly increase the volume of a polylingual dictionary of proverbs; however, it will also significantly increase its representativeness and cognitive value both in the proper linguistic and cultural terms. The prospect of the research is to develop the structure of a culturally-oriented commentary in a polylingual dictionary of proverbs, ways of correlated commenting on their linguistic semantics and background semantics, methods of including linguoculturological commentary in various zones of a lexical entry, as well as determination of the system of paraverbal means of its representation in polylingual paremiography.

Keywords: proverb, polylingual dictionary, language semantics, background semantics, linguoculturological commentary

Acknowledgements. The publication was prepared with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, Project No. D.2F/S2022 (Russian Federation). The research was partially performed by the aid of the State Program of Scientific Research 2021–2025, Project No. 20211335 (the Republic of Belarus).

For citation: Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/1

Лингвокультурологический комментарий как компонент словарного описания паремиологических единиц (пословиц) не имеет ни своего общепринятого понимания (назначения и содержания), ни устоявшихся правил применения (места и объёма в словарной статье) в современной отечественной и зарубежной паремиографии. Актуальным в этой связи является как разработка принципов и приёмов, так и выяснение значимости и направления лингвокультурологического комментария в паремиологических словарях различных типов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть возможности лингвокультурологического комментария как значимого компонента сопоставительного описания пословиц в полилингвальных паремиологических словарях.

Методологической основой исследования являются отражённые в новейших публикациях положения теории пословиц как элементов языка [1–4] и как разновидности афористических единиц [5–7], теории пословичных образов, доминантных концептов и их номинаций [8, 9], лингвокультурологической теории пословиц [10, 11], теории

национальной специфичности/общности с другими языками [12–14] и её репрезентации в сопоставительной паремиографии [15, 16]. Также учитывались принципы и содержание культурологически ориентированного комментария пословиц в словарях различных типов [17–50].

Фактическим материалом для исследования послужили четыре пословицы «о дураке» в русском языке (*Дураков работа любит; Дураков не сеют и не жнут, они сами родятся; Дурака и в алтаре бьют; Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт*) и их эквиваленты и соответствия в белорусском, польском, русинском, сербском, латгальском, латышском, литовском, финском, турецком языках. Следует отметить, что пословицы «о дураке» входят в состав паремиологического минимума и основного паремиологического фонда русского языка, что свидетельствует о высокой степени социокультурной актуальности этих пословиц в синхронии и диахронии [51. Р. 28–38, 85–139]. Вместе с тем сам по себе выбор как данной группы пословиц, так и языков сопоставления является случайным, что существенно повышает репрезентативность исследования, делает его результаты заведомо объективными, поскольку в таком случае они могут быть распространены на любые группы пословиц любых языков.

Глупость сама по себе, как известно, носит общечеловеческий характер, поэтому фоновая семантика пословиц «о дураках» вполне понятна как в родном, так и в чужих языках. Универсальность глупости и пословиц «о дураках» подчёркивается ещё и тем, что в них почти нет ярко этнически маркированных компонентов. Однако при сопоставительном анализе таких пословиц выявляются семантические нюансы, различия в образности, несовпадения в предметно-понятийном содержании, аксиологической окрашенности. Это делает значимым лингвокультурологический комментарий, который не только демонстрирует и истолковывает национально-культурную специфику пословиц, но и позволяет её установить, выявить тонкие межкультурные различия, недоступные без специального анализа, отражённого в культурологически ориентированном комментировании отдельных элементов плана содержания пословицы (и языковых средств их выражения) в проекции на другие культуры и языки.

Так, широкоизвестная русская пословица *Дураков работа любит* и её вариант *Дурака работа хвалит* [20. С. 316, 314] обычно говорятся в ситуациях, когда кто-то проявляет излишнее неуместное усердие, делает ненужную или лишнюю работу. В пословице использован

приём олицетворения: работа, которая нуждается в существовании дурака, его любит и хвалит. Пословица говорится с неодобрением, поскольку её базовое значение сводится к тому, что ‘отсутствие продумывания, планирования, расчёта и организации ведёт к выполнению лишней бесполезной работы’. Здесь содержательно пословица пересекается с другой русской пословицей *Дурная голова ногам покою не даёт* [20. С. 188], полные смысловые аналоги которой имеются в разных языках мира (ср., например, русин. *Дурна голова ногам покѹв не дає* или тур. *Akılsız başın zahmetini ayak çeker* – букв. «Голова без ума доставляет хлопоты ногам»). У рассматриваемой пословицы есть и второе значение, согласно которому ‘много работают только не слишком умные люди, действительно умный человек избегает работы’. С таким значением пословица употребляется в ситуациях, когда кто-либо оправдывает своё праздное времяпрепровождение. Пословицу обычно используют люди хитрые и ленивые, не желающие выполнять какую-то работу, считающие себя умными, чтобы не утруждаться лишним раз, хотя работа может быть совсем нелишней.

В русской лингвокультуре содержание понятия *дурак* оценивается довольно неоднозначно. Помимо общеизвестного значения этого слова ‘глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный’ имеются и другие смысловые оттенки. Так, в русском фольклоре образ *дурака* вызывает народную симпатию. Говоря о таком синониме слова *дурак*, как *глупый*, Н.М. Черкасова отмечает, что «*глупый* всегда *дурак* (не отличающийся большим умом), а *дурак* не всегда *глупый*, т.е. семантическое поле *дурак* гораздо шире и многослойнее» [52. С. 105]. Показательно, что в документах Древней Руси с 1495 г. фиксируется имя собственное *Дуракъ*, которое не было оскорбительным в своё время и от которого произошли такие фамилии, как *Дуров*, *Дурново* и пр. [52. С. 102]. В русской книжной традиции слово *дуракъ* впервые встречается в произведениях протопопа Аввакума. Уже в то время значение данного слова было бранным: «И я паки свѣту Божородицѣ докучать: “Владычице! уйми дурака того”»! [53. С. 10]; «Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: “посидите вы, а я полежу” – говорю имъ. Такъ они смѣются: “дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ”» [53. С. 20]. В пословице *Дураков работа любит* (или *Дурака работа хвалит*) слово *дурак* реализуется в значении ‘глупый, неумный’, т.е. главной характеристикой пословичного «дурака» является отсутствие ума.

В русинском языке семантическим аналогом русской поговорки является пословица *Робота любить дужого и дурного* (букв. «Работа любит сильного и глупого»). Здесь русскому *дурак* соответствует русинское *дурный*, что означает ‘глупый’, хотя в русинском языке употребляются также синонимы *дурак* и *дурош*. Как видим, в русинском пословичном аналоге добавляется существенный нюанс – работа любит не только глупого, но и сильного, что позволяет говорить о его содержательной близости ещё одной русской поговорке – *Сила есть – ума не надо* [42. С. 221]. Таким образом, значение русинской поговорки «о дураке» состоит в том, что ‘глупец, у которого достаточно сил, может выполнять много лишней работы’, а её фоновая семантика основана на устойчивой взаимосвязи в народном сознании русинов физической силы человека и его качеств как хорошего работника (т.е. содержание поговорки имеет не только отрицательную, но и ярко выраженную положительную коннотацию).

Белорусский аналог поговорки сходен с русским вариантом по образности и семантике: *Робота дурняў (дурня, дурных) любіць* [39. С. 451]. Однако есть расхождение в ситуации употребления. Эту поговорку белорусы, как и русские, говорят тому, чьё старание не одобряют. Однако в белорусском языке есть также синонимичная поговорка *Работы век (ніколі) не пераробіш* [39. С. 453]. Обе эти поговорки говорятся в ситуации, когда необходимо сделать перерыв в работе, тем самым образ пословичного «дурака» в белорусской народной культуре связывается не столько с глупостью, сколько с непрактичностью, наивностью (белорусский *дурны* – тот тот, кто работает тогда, когда можно отдохнуть), а пословичный аналог приобретает специфичный смысловой оттенок ‘не следует работать в неурочное время’.

Польская поговорка *Głupiego robota lubi* (букв. «Глупца работа любит») [50. S. 551] является полным семантическим эквивалентом русской поговорки. При этом в польском языке параллельно с поговоркой функционирует фразеологизм *głupiego robota* или *robota głupiego* (букв. «работа глупца») со значением ‘работа, не приносящая результатов; бесцельная, бессмысленная работа’, синонимичный широко известному интернациональному обороту *syzyfowa praca* (*Сизифов труд*). Поговорка *Głupiego robota lubi* означает, что ‘любую работу надо делать планомерно и с умом’. Показательный пример современного употребления этой поговорки даёт Агнешка Машевска (Agnieszka Maszewska) в своём интернет-блоге «Улица прозы» [54].

В коротком эссе «О том, что генетика – это сила» она вспоминает свою бабушку, которая постоянно говорила: «*Всей работы не переделаешь*» и «*Глупого работа любит*». При этом бабушка всегда была занята какими-то делами по дому или в огороде и никогда не отдыхала так, чтобы ничего не делать. Агнешка Машевская пишет: «У меня выдалось два с половиной свободных дня, впервые за долгое время, и не знаю, что с собой делать. Я не могу ничего не делать. Спасибо, бабушка». Сочетание пословиц *Всей работы не переделаешь* и *Дурака работа любит* создаёт фразеологически насыщенный контекст, который наводит на мысль о том, что работы всегда много, но её делать надо и выполнять максимально хорошо.

В латгальском языке также имеется полный аналог русской поговорки о дураке и работе *Dorbs duraku mīļoj* (букв. «Работа дурака любит»). Латгальская поговорка относится к числу заимствованных из русского языка с использованием лексического русизма *duraks*. Латгалия находилась в составе Российской империи с 1772 по 1917 г. В Латгалии в начале XX в. заимствованные из русского языка слова *duraks* и *burlaks* считались оскорблением, унижающим достоинство человека. Согласно Уголовному уложению 1903 г., использование подобных слов считалось «оскорбительным поведением». Тем не менее в Латгалии в начале XX в. *duraks* широко использовалось и в быту, и в публичной сфере [55. Л. 188]. Наряду с ним использовалось латгальское *mulķis* с тем же значением. Как и ранее в Древней Руси, где в конце XV в. существовало имя собственное *Дуракъ*, в Латгалии в 1738 г. была впервые зафиксирована фамилия *Mulčs* (от *mulķis* ‘дурак’). Эта фамилия была особенно распространена среди населения деревень *Lieli Mulķi* (букв. «Большие Дураки») и *Mazie Mulķi* (букв. «Малые Дураки») Краславского края, современные жители которых посчитали это обидным и ещё в 1980-х гг. высказывали идею о переименовании их населённых пунктов [55. Л. 188]. Хотя латгальская поговорка о работе и дураке по сей день остаётся употребительной, в современном латгальско-латышском словаре слово *duraks* отсутствует, но включены производные от него *duraceiba* (‘глупость’) и *duraceņš* (‘дурачок’) [46. Л. 60]. Подобно русскому *дурачок*, само слово *duraceņš* (*mulkeits*, *glupeits*, *sprostais*) является весьма значимым для латгальской культуры, в особенности для фольклора. Часто *duraceņš* – это образ младшего сына в народных сказках, чьё поведение не соответствует стандартам, которые демонстрируют старшие

братья. При этом действия дурачка в латгальских сказках запрограммированы на успех, так как ему не свойственна корысть и он не замечает общепринятых преград [20. С. 187], что является весьма близким образу русского сказочного *дурака*.

В латышских паремиологических сборниках полных смысловых аналогов русской поговорке *Дурака работа любит* нет, хотя в интернет-коммуникации иногда можно встретить фразу *Muļķi darbs mīl* (букв. «Дурака работа любит»), что, по-видимому, является калькой русской поговорки (с аналогичным лексическим составом и грамматической организацией). Неполным семантическим эквивалентом можно считать латышскую поговорку *Gudrais stāv, muļķis strādā* (букв. «Умный стоит, дурак работает») [56], которая имеет общий смысловой компонент с русской поговоркой ‘дурак работает, не думая’. *Дурак* здесь противопоставляется *умному*, которому не нужно много или вообще работать, потому что он прежде обдумает, как добиться своего без затрат времени и труда. Также в латышском языке есть поговорка с олицетворением работы, которая имеет иное, чем в русском языке, содержание: *Mīli darbu, darbs tevi mīlēs!* (букв. «Люби работу, работа тебя полюбит!») [47. L. 233].

В литовском языке существует несколько аналогов русской поговорки о дураке и работе: *Darbas durnių myli* (букв. «Работа дурака любит»); *Durnius darba, darbas durnių, ir abu kovoja* (букв. «Дурак – работу, работа – дурака, и оба бьются»); *Kvailys myli darbą, darbas – kvailį* (букв. «Дурак любит работу, работа – дурака») [57]. Семантически литовские поговорочные аналоги, в которых работа также олицетворяется, в двух случаях существенно расширены: в одном не только работа любит дурака, но и дурак любит работу, а во втором они ещё и противодействуют друг другу (т.е. из обоюдной любви дурака и работы ничего не выходит). Особенностью литовских поговорок о дураке и работе является использование двух синонимов для обозначения глупца – *durnius*, которое является восточнославянским заимствованием (бел. *дурань*, рус. *дурень*), и *kvailys*, которое имеет собственно литовское происхождение. Свойственный современным молодым литовцам языковой пуризм обуславливает вытеснение заимствованного *durnius* из литовского языка. Однако поговорки с *durnius* остаются широко употребительными и в настоящее время, что хорошо видно на примере интернет-дискурса. Так, в статье «Kaip darbas durnių mylėjo, o durnius meilės išsižadėjo» («Когда работа дурака любит, а дурак от

любви отказывается»)), опубликованной в блоге Ремигиуса Венцкуса (Remigijus Venckus), отмечается, что пословица *Darbas durnių myli* сегодня остаётся такой же актуальной, как и пословица *Kas veža, tam ir krauna* (букв. «Кто везёт, тому и груз»), также широко распространённая в литовском и имеющая аналоги в разных славянских языках (например, рус. *Кто везёт, на того и накладывают; Кто везёт, того и погоняют*; бел. *Хто цягне, на таго і навалываюць*; укр. *Хто тягне, того ще й б'ють; Хто тягне, того ще й поганяють*; русин. *Бють того вола, што тягне* – букв. «Бьют того вола, который тянет»). Автор блога утверждает, что пословицы «о дураке и работе» и «о том, кто везёт» дополняют друг друга и их можно понимать одинаково [58]. В другой интернет-статье, озаглавленной “Durnius – darba, darbas – durnių” («Дурак – работу, работа – дурака») и посвящённой современному литовскому рынку труда, психологическим проблемам занятости и работы в условиях кризиса и безработицы, также упоминаются литовские пословицы о работе. Автор статьи задаётся вопросом: «Если идеальной работы не существует, может быть, разумнее любить ту, которая у вас есть?» – и отмечает, что пословица *Durnius – darba, darbas – durnių* предупреждает о необходимости хорошо осознавать свой выбор. По его мнению, при поиске профессионалов для текущей работы, или начиная с нуля, или при изменении направления всегда следует спрашивать себя, насколько то или иное решение соответствует личным ценностям, насколько оно близко душе, сколько энергии, силы духа и материальных ресурсов можно посвятить для его реализации [59]. Именно проблема выбора работы, проблема правильного решения приступить к той или иной работе, проблема остаться довольным своей работой и т.п. детерминирует национально-культурную специфику пословицы «о дураке и работе» в литовском языке.

Финский аналог русской пословицы «о дураке и работе» лишён олицетворения работы, представляет прямую констатацию факта: *Hullu paljon työtä tekee, viisas pääsee vähämmällä* (букв. «Дурак много работы делает, умный отделяется малым») [40. С. 40]. Семантика финской пословицы близка русской в одном из значений – ‘шутливо или пренебрежительно в адрес того, чьё излишнее усердие не одобряют’, а также в своей второй части отражает национальное своеобразие противопоставления дурака умному в их отношении к работе: умный человек много думает, а мало делает, дурак думать не умеет, поэтому

работает много. Таким образом, финская пословица близка латышской, в которой дурак также противопоставляется умному.

Ещё одна русская пословица *Дураков не сеют и не жнут, они сами родятся* [20. С. 316] впервые упоминается в широко известном памятнике русской литературы XIII в. «Моление Даниила Заточника», в котором автор обращается к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу: «Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят» [60. С. 166]. Использование компонента *безумные* объясняется тем, что слово *дуракъ* ещё не употреблялось. Как видим, смысл пословицы остался неизменным за последние восемьсот лет – ‘глупые родятся глупыми и останутся таковыми, не стоит тратить время на их вразумление’.

То же значение у аналогов русинского *Дурных не сіють, они сами сходяць* (букв. «Дураков не сеют, они сами всходят») и белорусского *Дурняў не аруць, не сеюць, яны самі родзяцца (вырастаюць)*. Однако в белорусском языке пословица имеет национальную специфику в ситуации употребления – ‘говорится обычно в качестве оценки чьей-либо грубой ошибки, неуместного поступка и т.п.’ [39. С. 189], поскольку на семантику доминантного пословичного компонента *дурань* оказывает влияние одно из значений синонимичного ему бел. *дурны* – ‘наивный, недостаточно опытный (в чём-либо), недогадливый’.

В польском языке есть аналогичная русской пословица *Głupich nie orzą, nie sieją, sami się rodzą* (букв. «Глупцов не пахут, не сеют, сами родятся») [45. S. 144], в которой, как и в белорусской пословице, сохранилось древнее славянское *орать* – ‘пахать’ (польск. *orzą*, бел. *аруць* – ‘пахут’) [32. С. 122]. Реалистичное и крайне негативное отношение к дураку в польской традиционной картине мира выражается в весьма близкой по смыслу и не менее популярной пословице *Głupich siać nie trzeba, bo ich pełno wszędzie* (букв. «Глупцов сеять не надо, потому что их полно везде») [45. S. 144].

Сербский аналог русской пословицы *Будале се не сеју, оне саме ничу* (букв. «Дураков не сеют, они сами прорастают») имеет формальный вариант *Будалу не треба тражити, сама се јави* (букв. «Дурака не надо искать, сам явится»). Фоновая семантика сербской пословицы основана на представлениях не о глупости, а о безумии, что детерминировано значением заимствованного из турецкого *буда*, которое толкуется в нормативном словаре сербского языка как *луд*

човек, лудак, луда, причём первыми значениями слов *луд*, *лудак* и *луда* являются ‘сумасшедший, умалишённый, безумный, полоумный’, что находит отражение и в фразеологизмах, например *бити луд за нечим за неким* (‘сходить с ума по чему-либо, кому-либо’) или *луда срећа* (‘безумное, бешеное счастье’) [61. С. 295].

В латгальском языке пословичный аналог *Durakus ni sēj, ni pļauņ – jī poši aug* (букв. «Дураков не сеют, не жнут, они сами растут») [48. L. 17] является результатом приграничного культурного трансфера. Это полная калька русской пословицы, о чём свидетельствует грамматическая организация и лексический состав, включая русизм *duraks*. Помимо русизма *duraks*, в пословице используется латгальское *mulķis*, которое представлено в её формальном варианте *Mulķus ni sēj, ni pļauņ – jī poši aug* [48. L. 52].

Латышскому языку также известна аналогичная пословица *Mulķus nekas ne sēj, ne ecēj, bet paši aug* (букв. «Дураков никто не сеет, не боронит, а сами растут»), которая возникла на основе соответствующей русской пословицы [62. С. 139]. В латышскоязычном пространстве интернет-дискурса встречается также вариант этой пословицы с русизмом *duraks* (‘дурак’): *Durakus ne sēj, ne laista – paši aug* (букв. «Дураков не сеют, не жнут – сами растут») с добавлением *kā saka latgalieši* («как говорят латгалы»), что маркирует чёткую дифференциацию в народном сознании латышей представлений о своём «латышском дураке» и о чужом «русском дураке».

Литовская пословица *Kvailių nereikia nei sėti, nei akėti, bet patys dygsta* (букв. «Дураков не надо ни сеять, ни боронить, а сами растут») также восходит к своему русскому пословичному аналогу [62. С. 139]. Однако в литовском языке параллельно широко функционируют оригинальные синонимичные пословицы *Durniaus nereik su žvake ieškoti – ir pats pasirodo* (букв. «Дурака не надо искать со свечой – он сам появляется») и *Neieškok kvailių su žiburiu – rasi ir patamsy* (букв. «Не ищи дураков с огнём – найдёшь и в темноте») [57], которые, несмотря на славянизм *durnius* и литовское *kvailys*, имеют общее значение ‘дураков везде много, они всегда в достатке’ и отражают национально-специфический образ «дурака в темноте», основанный на народномифологических представлениях о тьме как вместилище чего-то страшного, таинственного, нечистого, неживого. Безумный, лишённый разума человек всегда считался принадлежащим миру тьмы, поэтому *durnius/kvailys* в литовских пословицах человек не столько глу-

пый, неразумный, сколько сумасшедший, безрассудный, не считающийся с общепринятыми социальными и моральными нормами.

Финская пословица *Hulluja ei tarviste kyntää eikä kylvää* (букв. «Дураков не пашут, не сеют») [40. С. 41] употребляется в значении 'глупых людей всегда и везде хватает' и имеет схожий образ с русской пословицей («сеять дураков»), но характеризуется отсутствием содержательно значимой структурной части «дураки сами рождаются», что составляет национально-специфическую часть фоновой семантики, указывает на присутствие в традиционном сознании финнов представления о «дураках от рождения», т.е. дураками не рождаются, ими становятся в тех или иных обстоятельствах по тем или иным причинам.

Русская пословица *Дурака (глупого) и в алтаре бьют* имеет два формальных варианта *Дураку и в алтаре (в олтаре) не спускают (нет спуску)* и *Дураков и в алтаре бьют* [20. С. 17, 314–315] и основана на образе церковного алтаря. Алтарь – это святая святых христианского культа, он располагается в восточной части храма, в православных церквях алтарь отделяется от молельного зала иконостасом. В алтаре совершается таинство евхаристии. Согласно древним правилам православия, мирянам закрыт доступ в алтарь, войти туда могут только священники, алтарники и чтецы. В месте, где совершается величайшее таинство, должна царить обстановка благоговения. Религиозная значимость алтаря усиливает в пословице возмущение кощунственными действиями того, кто, вопреки запрету, проникает в алтарь, вызывая тем самым такой гнев, что праведные христиане не могут удержаться от рукоприкладства даже в таком святом месте.

В аналогичной белорусской пословице *Дурня і ў царкве б'юць* [39. С. 209] вместо образа алтаря используется образ церкви целиком, поскольку алтарь как место, в которое закрыт доступ, существует лишь в православных храмах. Фоновая семантика пословицы отражает исторически сложившуюся конфессиональную ситуацию в Беларуси, где органично сосуществуют православие и католицизм, а также униатство.

В латгальском языке функционирует почти полная калька русской пословицы *Duraku i bazneicā stumda* (букв. «Дурака и в церкви бьют»), в которой православный алтарь так же, как и в белорусской пословице, замещается нейтральным образом церкви. В Латгалии, как известно, сосуществуют римско-католическая, лютеранская и православная конфессии (включая старообрядцев). О русском происхождении пословицы свидетельствует русизм *duraks*, а также *bazneica* как

более раннее древнерусское заимствование в латгальском языке (др.-рус. *божьница* – ‘небольшая церковь, часовня’).

Латышская пословица *Muļķi izper pat baznīcā* (букв. «Дурака бьют даже в церкви») аналогична русской и имеет в своём составе древнерусское заимствование *bazneica*, что указывает на латгальский след в её происхождении. Вместе с тем в латышском языке широко употребляются синонимичные пословицы с близкой образностью: *Muļķis arī baznīcā dabū pērienu, gudrs – ne uz tīrgus* (букв. «Дурак и в церкви получит взбучку/порку, а умный и на базаре – нет») [44. L. 176], *Dumjš dabū pērienu pilnā baznīcā un tukšā krogā* (букв. «Глупец получает взбучку в полной церкви и в пустом кабаке»); *Muļķis dabū pērienu pie baznīcas, gudrs – ne pie tiesas* (букв. Дурак получает взбучку/порку в церкви, а умный и в суде – нет») [47. L. 394]. Как можно видеть, в латышских пословицах противопоставляется поведение глупца и умного. Смысл такого противопоставления в том, что и в многолюдной церкви, где особенно следует соблюдать правила почтительного поведения, и даже в пустом кабаке, где пьяные драки – нередкое явление, глупец может навлечь на себя гнев присутствующих своим поведением. При этом умный ведёт себя правильно и благоразумно не только в церкви и на базаре, но и в суде, где особенно небезопасно. Общая фоновая семантика латышских пословиц отражает народное представление о дураке как не просто о глупом человеке, но и как о нарушителе общепринятых норм и правил, пренебрежительно относящимся к социальным и духовным ценностям.

Литовские аналоги *Durną ir iš bažnyčios vej*, или *Durnių ir bažnyčioje tuša*, или *Kvailį ir bažnyčioj tuša* (букв. «Дурака и в церкви бьют») [57] имеют то же содержание, что и русская, латгальская и латышская пословицы «о дураке в алтаре / в церкви». Для обозначения дурака в них используются славянские заимствования *durnas*, *durnius*, а также собственно литовское *kvailys*. При этом *bažnyčia* означает ‘костёл’, поскольку подавляющее большинство литовцев – католики. Фоновая семантика литовских аналогов русской пословицы довольно ярко отражена в следующем веллеризме: *Durną ir bažnyčioj tuša! – pasakė kunigas biblija bedaužydamas klapčiukui per galvą už pariltą vyną* (букв. «Дурака и в костёле бьют! – сказал ксёндз, ударив служку Библией по голове за разлитое вино») [63].

В польском аналоге русской пословицы *Głupiego i w kościele biją* (букв. «Глупца и в костёле бьют») речь идёт так же, как и в литовской

пословице, о костёле, прямо называемом в пословице (польск. *kościół*) и выступающим этнолингвомаркёром, репрезентирующим национальную специфику польской культуры, в формировании и развитии которой огромную роль сыграл и продолжает играть в настоящее время католицизм. Так, согласно конкордату, заключённому между Ватиканом и Польшей и ратифицированному Сеймом в 1998 г., за польскими школами и дошкольными учреждениями закреплена возможность преподавания религии. В 2016 г. Иисус Христос был официально провозглашён королём Польши в результате церемонии интронизации, согласованной с польским правительством и при участии президента страны Анджея Дуды. Костёл в Польше – это не только культовое здание, это ещё и мощное католическое сообщество, оказывающее влияние на все сферы жизни поляков.

Показательно, что аналог русской пословицы «о дураке в алтаре» существует и в немецком языке *Ein Dummer kriegt in der Kirche Prügel* (букв. «Глупого и в кирхе бьют») [18. С. 161], где так же, как и в польском пословичном аналоге, эксплицировано национальное наименование церкви *Kirche*, которое в своём оригинальном значении используется немцами в максимально широком смысле – церковь как таковая, и как сообщество, и как здание без конфессиональной дифференциации. Вместе с тем *Kirche* заимствовано в восточнославянские языки, в которых является германизмом (рус. *кирха*, бел. *кірха*, укр. *кірха*), обозначающим только лютеранское культовое сооружение. В данном случае межъязыковая омонимия при восприятии немецкой пословицы в проекции на её русский аналог может без нужного комментария способствовать возникновению эффекта «ошибочной номинации», результатом которой будет неверная интерпретация фоновой семантики немецкой пословицы как повествующей «о дураке в лютеранской кирхе» по образцу фоновой семантики польской пословицы, где речь действительно идёт «о дураке в костёле».

Варьированию в межъязыковых пословичных аналогах может подвергаться и центральный лексический и предметно-смысловой компонент пословицы – дурак. Показательной в этом плане является русинская пословица, содержательно близкая русской пословице «о дураке в алтаре», в которой речь идёт вовсе не о глупом человеке: *Нечесного и в церкви бють* (букв. «Нечестного и в церкви бьют»). В русинском языке *нечесный* означает ‘нечестный, неправедный, зловредный’. Ещё один смысловой оттенок в русинском языке слова *нече-*

сный как ‘не делающий другим вреда, смирный’ позволяет выделить его антоним *чесный* в устойчивом обороте *Честный, коли спит* (букв. «Смирный, когда спит»). Также в русинском языке *честный* применительно к ребёнку означает ‘послушный’. В пословице русинский *нечестный*, как и *дурак* в аналогичной русской пословице, провоцирует конфликт, делает что-то вопиюще противоречащее общепринятым нормам и правилам, демонстрирует свою непочтительность окружающим, что возмущает остальных, толкает их на решительные действия по пресечению безобразия даже в церкви. На этом основании русинскую пословицу можно рассматривать как содержательный аналог пословиц «о дураке в алтаре/церкви/костёле» в русском, белорусском, польском, латгальском, латышском, литовском и немецком языках.

Ещё одна распространённая русская пословица про дурака – *Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт (расшибёт)* [20. С. 314] – также имеет аналоги во многих языках в силу общности человеческого мышления и типичности ситуации, когда человек проявляет в каком-либо деле избыточное усердие, приносящее только вред. *Дурак* в этой пословице олицетворяет неумённое усердие – ‘дурак всегда перестарается’. Полными аналогами являются белорусская и русинская пословицы: бел. *Загадай дурню богу маліцца, дык ён і лоб разаб’е* (букв. «Заставь дурня Богу молиться, так он и лоб разобьёт») [39. С. 202]; русин. *Застав дурного молитися, та чоло розобе* (букв. «Заставь глупца молиться, так лоб разобьёт»). Литовские пословицы обладают той же образностью (дурак, молитва, лоб): *Nuvaryk kvailį melstis, jis ir kaktą prasimuš* (букв. «Заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт»); *Nuėjo durnius bažnyčion ir galvą prasidaužė* (букв. «Пошёл дурень в церковь и голову разбил») [57].

В польском языке употребляется как полный аналог *Zmuś głupca do modlitwy – czolo sobie rozbije / rozwali* (букв. «Заставь глупца молиться – лоб себе расшибёт») [32. С. 122], так и аналогичная по смыслу пословица с иной образностью *Poślij durnia na rybę, to on [ci] żab nalapie / żaby łapie* (букв. «Пошли дурака за рыбой, так он [тебе] лягушек наловит / будет ловить лягушек») [50. S. 752]. Польский дурак может и не упоминаться в пословице, но результат его усердия налично: *Zbytńia gorliwość, karmiąc, zęby wybija* (букв. «Чрезмерное усердие при кормлении зубы выбивает») [50. S. 752, 861].

Финская пословица иллюстрирует чрезмерное усердие дурака ситуацией мытья в бане: *Hullu niin kylpee, että nahka lähtee* (букв. «Дурак

моется, пока кожа не сойдёт»). Фоновая специфика финской пословицы проявляется в том, что её доминантный лексический и предметно-смысловой компонент *hullu* является многозначным, детерминируя тем или иным оттенком своего значения общий пословичный смысл. Финское *hullu* – это, во-первых, «сумасшедший, помешанный, умалишённый», а во-вторых, «безумец, безумный (безрассудный) человек, глупец, дурак, дурень» (ср. фин. *hullu koirra* – ‘бешеная собака’) [40. С. 40].

Разнообразны и образы турецких пословиц с близкой семантикой: *Deliye bal tattırmişlar, çarşıda katran bırakmamış* (букв. «Безумному сказали попробовать мёд, на базаре дёгтя не осталось»); *Iç dedilerse, çeşmeyi kurut demedediler ya* (букв. «Сказали “пей!”», но ведь не говорили осушить весь источник»); *Vur dedimse öldür demedim ya* (букв. «Сказал “ударь”, но ведь не говорил “убей”») [35. С. 60, 235]. Национально-культурной спецификой турецких пословичных аналогов является характерная образность. В первой турецкой пословице используется *deli* – ‘безумный’, а не *aptal* или *budala* – ‘дурак’. Две другие обходятся без называния главного действующего лица – дурака, однако имеют форму диалога с глупцом, когда говорящий удивляется тому, что тот всё сделал не так, хотя ему объясняли правильно.

Как видно из представленных примеров, ситуация с чрезмерным усердием вполне типична, но образы в различных языках могут быть самыми разными в зависимости от народного опыта и этнокультурной специфики. В этом случае целесообразно обращаться и к русским пословичным вариантам и синонимам (например, *Дурака заставь горшки носить, а он рад разбить* [20. С. 314] и т.п.), многие из которых будут содержательно коррелировать с аналогичными по смыслу и близкими по образности пословицами других языков.

Таким образом, культурологически ориентированный комментарий пословиц в полилингвальной паремиографии позволяет не только дифференцировать фоновую семантику пословичных аналогов в разных языках, но и выступает в качестве инструмента для более широкого и глубокого сопоставительного описания пословиц, выявления в них неявных, национально-культурно детерминированных различий, а также обусловленных культурным трансфером или исторической близостью сходств.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать основные принципы лингвокультурологического комментария в

многоязычном словаре: 1) пословицы как входного, так и выходного языка должны комментироваться одинаково; 2) комментарии пословиц на всех языках должны быть актуальными (это означает, что объем, структура, предметная направленность и глубина комментирования должны быть одинаковыми для каждого языка); 3) предметом комментирования должны стать наиболее значимые для межъязыкового сопоставления компоненты пословичного содержания и формы; 4) комментарии следует давать отдельно для каждой пословицы каждого языка, однако по содержанию они должны быть проецированы друг на друга. В то же время в многоязычных паремиологических словарях особое значение имеет межъязыковая лингвокультурная проекция. Безусловно, лингвокультурологический комментарий существенно увеличит объем многоязычного словаря пословиц, однако вместе с тем позволит значительно повысить его репрезентативность и познавательную ценность как в лингвистическом, так и в культурологическом плане.

Перспективой исследования видится разработка структуры культурологически ориентированного комментария в полилингвальном словаре пословиц, способов коррелированного комментирования их языковой семантики и фоновой семантики, приёмов включения лингвокультурологического комментария в различные зоны словарной статьи, а также определение системы паравербальных средств его репрезентации в полилингвальной паремиографии.

Список источников

1. *Паремиология* в дискурсе. М. : URSS : Ленанд, 2015. 294 с.
2. *Паремиология* без границ. М. : Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
3. *Паремиология* на перекрёстках языков и культур. М. : Изд-во РУДН, 2021. 246 с.
4. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
5. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706.
6. Иванов Е.Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170.
7. Иванов Е.Е. Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185.

8. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233.

9. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68.

10. Мокиенко В.М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики. М. : РУДН, 2020. С. 42–53.

11. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.

12. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032.

13. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615.

14. Петрушэўская Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

15. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужужет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160.

16. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36.

17. *Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік* = English-Belarusian Paremiological Dictionary. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. 240 с.

18. *Петрушэўская Ю.А.* Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 312 с.

19. *Іваноў Я.Я., Раманава Н.К.* Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. 108 с.

20. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

21. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. М. : Ридерз Дайджест, 2012. 781 с.

22. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: краткий словарь-справочник. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 272 с.

23. *Шведченко И.Е.* Словарь пословиц. Итальянско-русский и русско-итальянский = Dizionario dei proverbi. Italiano-russo e russo-italiano. М. : Дрофа : Русский язык Медиа, 2009. 160 с.

24. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб. : Норинт, 2003. 512 с.

25. *Іваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. 164 с.

26. *Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. 192 с.

27. *Лакотка А.І., Кухаронак Т.І., Алфёрава А.Г.* Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі (з адвечнай мудрасці народнай) / пераклад на кітайскую мову Ван Цінфэна, А.В. Раманоўскай. Мінск : Беларуская навука, 2017. 135 с.

28. *Ая У., Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И.* Пословицы в русской речи: учебный словарь с комментариями на эстонском языке. Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. 123 с.

29. *Маргулис А., Холодная А.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок = Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. North Carolina & London : Publishers Jefferson, 2000. 487 с.

30. *Іванов Е.Е., Мокиенко В.М.* Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв : МГУ имени А.А. Кулешова, 2007. 242 с.

31. *Іванов Е.Е.* Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак : в 2 ч. Могилёв : Брама, 2001. Ч. 1. 144 с. ; Ч. 2. 164 с.

32. *Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K.* Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald : E.M.A.-Universität ; Szczecin : Volumina, 2014. 433 s.

33. *Цвиллинг М.Я.* Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок = Sprichwörter sprichwörtliche redensarten russisch-deutsches wörterbuch. М. : Русский язык Медиа, 2006. 214 с.

34. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1988. 272 с.

35. *Епифанов А.* Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги = Türk atasözleri ve rus karşiliklari. СПб. : КАРО, 2006. 352 с.

36. *Бирix А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М. : Астрель ; АСТ ; Люкс, 2005. 926 с.

37. *Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск : БФС, 1997. 262 с.

38. *Туровер Г.Я.* Словарь пословиц. Испанско-русский и русско-испанский = Diccionario de refranes. Español-ruso y ruso-español. М. : Дрофа ; Русский язык Медиа, 2009. 208 с.

39. *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. 695 с.

40. *Храмцова О.А.* Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. СПб. : КАРО, 2011. 240 с.

41. Гнездилова В.А. Французско-русский словарь пословиц и поговорок = Dictionnaire des proverbes français-russes. М. : Мирта-Принт, 2010. 71 с.
42. Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002. 352 с.
43. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск : Вышэйшая школа, 2014. 141 с.
44. Kokare E. Divu tautu dzīves gudrība: Latviešu un krievu sakāmvārdu krājums. Rīga : Zinātne, 1967. 295 lpp.
45. Adalberg S. Księga przysłów porzypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa : Druk Emila Skińskiego, 1894. 865 s.
46. Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca. Vīna cylvāka specvuorduojs. Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2011. 232 lpp.
47. Latviešu tautas mīklas, sakāmvārdi un parunas. Rīga : Avots, 1998. 488 lpp.
48. Opincāne B. Latgaļu parunas un sokomvōrdi. Rēzekne : LKCI, 2000. 86 lpp.
49. Mokienko V.M., Ruiz-Zorilla Cruzate M., Walter H., Zainouldinov A. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen. Greifswald : E.M.A.-Universität, 2009. 193 s.
50. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzień rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 2003. 999 s.
51. Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS, 2002. 136 p.
52. Черкасова М.Н. Дурак фольклорный vs. «дурак полный»: к интерпретации оскорбления // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2011. № 2. С. 98–108.
53. Аввакум. Житіє протопопа Аввакума, написанное имь самимъ. СПб. : Издание А.Е. Бѣляева, 1904. 27 с.
54. Maszewska A. Ulica Prozy. Blog o ludziach, książkach i górach. 2021. URL: <http://ulicaprozy.pl/ludzie/glupiego-robota-lubi/> (дата обращения: 08.04.21).
55. Šuplinska I. Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Rēzekne : Rēzeknes Augstskola, 2012. 876 lpp.
56. Latviešu folkloras krātuve. 2021. URL: <http://garamantas.lv> (дата обращения: 08.04.2021).
57. Patarles. DainuTekstai. 2021. URL: <http://patarles.dainutekstai.lt> (дата обращения: 08.04.2021).
58. Venckus R. Kultūros kirtis. Platesnio požiūrio kritikos straipsniai. 2021. URL: <http://culture.venckus.eu/socialiniai-klausimai/kaip-darbas-durniu-mylejo-o-durnius-meiles-issizadejo/> (дата обращения: 08.04.2021).
59. Portalas tv3.lt. 2021. URL: <https://www.tv3.lt/naujiena/zmones/durnius-darba-darbas-durniu-n370705> (дата обращения: 08.04.2021).
60. Литература Древней Руси : Хрестоматия. М. : Высшая школа, 1990. 554 с.
61. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига прва. Друго фототипско издање. Нови Сад : Матица српска, 1990. 872 с.
62. Инфантьев Б.Ф. Балто-славянские культурные связи. Лексика, мифология, фольклор. Рига : Веди, 2007. 312 с.

63. *Barbarizmų žodynėlis*. Jaunimo barbarizmų ir posakių žodynas. 2021. URL: <http://www.barbarizmai.lt/zodis/durnius.html> (дата обращения: 08.04.2021).

References

1. Lomakina, O.V. (ed.) (2015) *Paremiologiya v diskurse* [Paremiology in discourse]. Moscow: URSS: Lenand.
2. Antonova, E.N. et al. (2020) *Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders]. Moscow: RUDN.
3. Bredis, M.A. et al. (2021) *Paremiologiya na perekrestkakh yazykov i kul'tur* [Paremiology at the crossroads of languages and cultures]. Moscow: RUDN.
4. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) Poslovitsa v sovremennoy lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 34–43.
5. Ivanov, E.E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: main features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 11 (4). pp. 659–706.
6. Ivanov, E.E. (2019) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennoy russkom yazyke [On the recurrence of aphoristic units in modern Russian]. *Rusistika*. 17 (2). pp. 157–170.
7. Ivanov, E.E. (2022) Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom yazyke [Functions of aphoristic units in Russian]. *Rusistika*. 20 (2). pp. 167–185.
8. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskiykh poslovits: modeli, obrazy, ponyatiya (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, concepts (on the European paremiological background)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 220–233.
9. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskiykh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniya [Nominations of animals in Tuvan proverbs and sayings: aspects of verbalization and problems of study]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 47–68.
10. Mokienko, V.M. (2020) Lingvokul'turologicheskaya paremiologiya v evropeyskoy retrospektive [Linguistic and cultural paremiology in European retrospective]. In: *Perspektivnye napravleniya sovremennoy lingvistiki* [Perspective directions of modern linguistics]. Moscow: RUDN. pp. 42–53.
11. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020) Paremii v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguoculturological Potential]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 11 (2). pp. 265–284.
12. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Yu.A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye ponyatiya i metodika vyavleniya) [National specificity of the proverbial fund (basic concepts and methods of detection)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 12 (4). pp. 993–1032.

13. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiysko-finskih narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (against the European paremiological background)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 11 (4). pp. 607–615.

14. Petrusheuskaya, Yu.A. (2021) *Mounaya spetsyfichnasts' i natsyyanal'naya admetnasts' prykazak belaruskay movy* [Linguistic specificity and national distinctiveness of proverbs of the Belarusian language]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University. (In Belarusian).

15. Bredis, M.A. et al. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentariy (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Lexicographic description of Tuvan proverbs: principles, structure, ethnolinguistic and cultural commentary (on the European paremiological background)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 4. pp. 143–160.

16. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskih poslovits v aspekte normativnoy i polilingval'noy paremiografii (na fone russkogo i angliyskogo yazykov) [Proverbial factors in the translation of Tuvan proverbs in the aspect of normative and polylingual paremiography (against the background of Russian and English)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 17–36.

17. Anon. (2009) *Angla-belaruski paremiyalagichny slounik = English-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

18. Petrusheuskaya, Yu.A. (2020) *Universal'ny i internatsyyanal'ny kampanenty u paremiyalagichnym skladze belaruskay movy: belarуска-inshamouny slounik* [Universal and international components in paremiological composition of the Belarusian language: Belarusian-foreign language dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

19. Ivanou, Ya.Ya. & Ramanava, N.K. (2006) *Belaruska-nyametski paremiyalagichny slounik = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

20. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

21. Brilyova, I.S. et al. (2012) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kul'turologicheskii kommentariy* [Big phraseological dictionary of the Russian language: meaning, usage, cultural commentary]. Moscow: Riderz Daydzhest.

22. Mokienko, V.M. (2006) *Davayte govorit' pravil'no! Slovar' poslovits: kratkii slovar'-spravochnik* [Let's speak right! Dictionary of proverbs: a concise reference dictionary]. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University.

23. Shvedchenko, I.E. (2009) *Slovar' poslovits. Ital'yansko-russkii i russko-ital'yanskiy = Dizionario dei proverbi. Italiano-russo e russo-italiano*. Moscow: Drofa: Russkiy yazyk Media.

24. Mokienko, V.M. (2003) *Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do Yatya: istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoy frazeologii* [Why do they say so? From Avos to Yat: a historical and etymological guide to Russian phraseology]. Saint Petersburg: Norint.

25. Ivanou, Ya.Ya. (2011) *Krylatyya afaryzmy u belaruskay move: z inshamounykh litaraturnykh i fal'klornykh krynits VIII st. da n. e. – XX st.: tlumachal'ny slounik* [Winged aphorisms in the Belarusian language: from foreign literary and folklore sources of the 8th century BC till the 20th century: explanatory dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

26. Ivanova, S.F. & Ivanou, Ya.Ya. (2007) *Pol'ska-belaruski paremiyalagichny slounik = Polsko-bialoruski slownik paremiologiczny*. Magilej: MDU imya A. A. Kul-yashova.

27. Lakotka, A.I., Kukharonak, T.I. & Alferava, A.G. (2017) *Prymauki dy prykazki – mudray movy pryvyazki (z advechnay mudrastsy narodnay)* [Proverbs and sayings – the wise language of reference (from the eternal wisdom of the people)]. Translated into Chinese by Wang Qingfeng and A.V. Ramanovskaya. Minsk: Belaruskaya navuka.

28. Aya, U., Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2012) *Poslovitsy v russkoy rechi: uchebnyy slovar' s kommentariyami na estonskom yazyke* [Proverbs in Russian speech: a learner's dictionary with comments in Estonian]. Pskov: LOGOS Plyus.

29. Margulis, A. & Kholodnaya, A. (2000) *Russko-angliyskiy slovar' poslovits i pogovorok = Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings*. North Carolina & London: Publishers Jefferson.

30. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007) *Russko-belorusskiy paremiologicheskiy slovar'* [Russian-Belarusian paremiological dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

31. Ivanov, E.E. (2001) *Russko-belorusskiy slovar' poslovits = Ruska-belaruski slounik prykazak: v 2 ch.* [Russian-Belarusian dictionary of proverbs in 2 parts]. Mogilev: Brama.

32. Walter, H. et al. (2014) *Russko-nemetsko-pol'skiy slovar' aktivnykh poslovits (s inoyazychnymi parallelyami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariyami)* [Russian-German-Polish dictionary of active proverbs (with foreign language parallels and historical and cultural comments)]. Greifswald: E.M.A.-Universität ; Szczecin: Volumina.

33. Tsvilling, M.Ya. (2006) *Russko-nemetskiy slovar' poslovits i pogovorok = Sprichwörter sprichwörtliche redensarten russisch-deutsches wörterbuch*. Moscow: Russkiy yazyk Media.

34. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1988) *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian proverbs, sayings and popular expressions: linguistic and regional dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Epifanov, A. (2006) *Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh turetskie analogi = Türk atasözleri ve rus karşılıkları*. Saint Petersburg: KARO.

36. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian Phraseology: Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.

37. Ivanova, S.F. & Ivanou, Ya.Ya. (1997) *Slounik belaruskikh prykazak, prymavak i krylatykh vyrazau: lingvakrainaznauchy dapamozhnik* [Dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged expressions: a culture-oriented linguistic manual]. Minsk: BFS.

38. Turover, G.Ya. (2009) *Slovar' poslovits. Ispansko-russkiy i russko-ispanskiy = Diccionario de refranes. Español-ruso y ruso-español*. Moscow: Drofa: Russkiy yazyk Media.

39. Lepeshaŭ, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2011) *Tlumachal'ny slounik prykazak* [Explanatory dictionary of proverbs]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno.
40. Khramtsova, O.A. (2011) *Finskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie analogi. Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh finskie analogi* [Finnish proverbs and sayings and their Russian equivalents. Russian proverbs and sayings and their Finnish equivalents]. Saint Petersburg: KARO.
41. Gnezdilova, V.A. (2010) *Frantsuzsko-russkiy slovar' poslovits i pogovorok* = *Dictionnaire des proverbes français-russes*. Moscow: Mirta-Print.
42. Mokienko, V.M. (2002) *Shkol'nyy slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [Learner's dictionary of living Russian proverbs]. Saint Petersburg: Neva.
43. Lepeshau, I.Ya. (2014) *Etymalogichny sloŭnik prykazak* [Etymological dictionary of proverbs]. Minsk: Vysheyschaya shkola. (In Belarusian)
44. Kokare, E. (1967) *Divu tautu dzīves gudrība: Latviešu un krievu sakāmvārdu krājums*. Rīga: Zinātne.
45. Adalberg, S. (1894) *Księga przysłów porzypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa: Druk Emila Skińskiego.
46. Lukaševičs, V. (2011) *Latgaliēšu-latviešu vārdnīca. Vīna cylvāka specvuor-duojs*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule".
47. Černevska, I. (Korek.) *Latviešu tautas mīklas, sakāmvārdi un parunas*. Rīga: Avots.
48. Opincāne, B. (2000) *Latgaļu parunas un sokomvōrdi*. Rēzekne: LKCI.
49. Mokienko, V.M. et al. (2009) *Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen*. Greifswald: E.M.A.-Universität.
50. Stypuła, R. (2003) *Słownik przysłów i powiedzień rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
51. Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS.
52. Cherkasova, M.N. (2011) Durak fol'klorny vs. "durak polny": k interpretatsii oskorbleniya [A Folklore Fool vs. a "Complete Fool": To the interpretation of insult]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholokhova. Seriya "Filologicheskie nauki"*. 2. pp. 98–108.
53. Avvakum. (1904) *Zhitie protopopa Avvakuma, napisannoe im "samim"* [Archpriest Avvakum. The Life Written by Himself]. Saint Petersburg: Izdanie A.E. Bblyayeva.
54. Maszewska, A. (2021) *Ulica Prozy. Blog o ludziach, książkach i górach*. [Online] Available from: <http://ulicaprozy.pl/ludzie/glupiego-robota-lubi/> (Accessed: 08.04.21).
55. Šuplinska, I. (2012) *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola.
56. Garamantas.lv. (2021) *Latviešu folkloras krātuve*. [Online] Available from: <http://garamantas.lv> (Accessed: 08.04.2021).
57. Patarles. DainuTekstai. (2021) [Online] Available from: <http://patarles.dainutekstai.lt> (Accessed: 08.04.2021).
58. Venckus, R. (2021) *Kultūros kirtis. Platesnio požiurio kritikos straipsniai*. [Online] Available from: <http://culture.venckus.eu/socialiniai-klausimai/kaip-darbas-durniu-mylejo-o-durnius-meiles-issizadejo/> (Accessed: 08.04.2021).

59. Tv3.lt. (2021) [Online] Available from: <https://www.tv3.lt/naujiena/zmones/durnius-darba-darbas-durniu-n370705> (Accessed: 08.04.2021).

60. Likhachev, D.S. (1990) *Literatura Drevney Rusi: Khrestomatiya* [Literature of Ancient Rus: Reader]. Moscow: Vysshaya shkola.

61. Anon. (1990) *Dictionary of the Serbo-Croatian literary language*. Book one. Second edition. Novi Sad: Matitsa srpska. (In Serbian and Croatian).

62. Infant'ev, B.F. (2007) *Balto-slavyanskije kul'turnye svyazi. Leksika, mifologiya, fol'klor* [Balto-Slavic cultural ties. Vocabulary, mythology, folklore]. Riga: Vēdi.

63. Barbarizmai.lt. (2021) *Barbarizmui žodynėlis. Jaunimo barbarizmui ir posakių žodynas*. [Online] Available from: <http://www.barbarizmai.lt/zodis/durnius.html> (Accessed: 08.04.2021).

Сведения об авторах:

Бредис Михаил Алексеевич – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: bredis-ma@rudn.ru

Иванов Евгений Евгеньевич – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилёв, Республика Беларусь); ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: ivanov_ee@msu.by; ivanov-rudn@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mikhail A. Bredis, Cand. Sci. (Philology), leading researcher, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: bredis-ma@rudn.ru

Eugene E. Ivanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus); leading researcher, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivanov_ee@msu.by; ivanov-rudn@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 02.12.2022.*

*The article was submitted 14.04.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 02.12.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/22274200/26/2

Внутренний мир человека в метафорических моделях с объектной областью «драгоценные камни» (на материале словарей поэтических образов)

Елена Викторовна Купчик¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
elwika@list.ru

Аннотация. Рассматриваются реализации метафорических моделей с объектной областью «драгоценные камни», характеризующих внутренний мир человека, в словарях образов. Выявляются типичные для русской метафорической системы субъекты, объекты и признаки сопоставления, анализируется объем понятия «драгоценные камни», устанавливается их состав в качестве соответствий реалиям внутреннего мира. Определяются наиболее значимые метафорические модели, отмечается ведущая роль образов алмаза, жемчуга и хрусталя среди элементов объектной области.

Ключевые слова: метафорическая модель, внутренний мир, драгоценный камень, русская поэзия, словари образов

Для цитирования: Купчик Е.В. Внутренний мир человека в метафорических моделях с объектной областью «драгоценные камни» (на материале словарей поэтических образов) // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 30–53. doi: 10.17223/22274200/26/2

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/2

The inner world of a person in metaphorical models with the object domain “precious stones” (based on dictionaries of poetic images)

Elena V. Kupchik¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, elwika@list.ru

Abstract. The article characterizes the inner world of a person in metaphorical models with the object domain “precious stones” in dictionaries of images. The research material is fragments of texts of Russian literature, including figurative comparisons of the realities of the inner world of a person with precious stones. Sources of the material are: *Dictionary of Poetic Images* by N.V. Pavlovich; *Dictionary of the Language of Poetry* by N.N. Ivanova and O.E. Ivanova; *Materials for the Dictionary of Metaphors and Comparisons of Russian Literature of the 19th–20th Centuries* by N.A. Kozhevnikova and Z.Yu. Petrova. The article uses the following research methods and techniques: analysis of theoretical sources on the problem, collection of material, observation, classification and systematization, quantitative calculations. The research includes the following stages: detection in dictionary materials of the realization of metaphorical models containing a comparison of an object of the inner world with the object domain “precious stones”; determination of the composition of the models; description of the subject and object areas; determination of the grounds for comparisons; identification of the most significant subjects and objects of comparison and the main metaphorical models; indication of trends in the development of imagery reflected in the implementation of metaphorical models in texts of different times. The study shows that dictionaries of images contain a significant number of implementations of metaphorical models of the inner person with the “precious stone” object domain. These models capture ideas about features and properties of the realities of the inner world important for Russian culture, relating to the invisible organs of a person, their feelings, emotions, intelligence. The main subjects of comparison are soul, heart, love, sadness, dream, thought; the main objects of comparison are diamond, pearl and rhinestone. These comparisons are much more common than others and are reflected in all three dictionaries. The hardness, transparency, brilliance of a cut diamond; the color and purity of pearls; the transparency and fragility of crystal, its ability to sound allow them to be metaphorical analogues for especially valuable and attractive realities of the inner world of a person. The figurative characteristic of the inner world is also based on the peculiarities of the formation of diamond (earth’s interior, pressure, high temperatures) and pearls (water depths, closeness in the shell). The materials of the dictionaries reflect the trends in the de-

velopment imagery; the replenishment of figurative series with new elements, the reduction of traditionally elevated realities, the concretization of images. The implementation of metaphorical models with the object domain “precious stones” reflect in versatile ways the ideas about the inner world of a person that exist in Russian culture.

Keywords: inner world, precious stone, Russian poetry, dictionary of images

For citation: Kupchik, E.V. (2022) The inner world of a person in metaphorical models with the object domain “precious stones” (based on dictionaries of poetic images). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 30–53. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/2

Введение

Внутренний мир человека представляет собой особый объект научного изучения, что определяется прежде всего невозможностью непосредственного наблюдения за реалиями нематериального мира. В многочисленных исследованиях, посвященных внутреннему человеку как неотъемлемой и важнейшей части человека в целом (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко, Е.С. Никитиной, Л.Б. Никитиной, М.В. Пименовой, В.Н. Телия, В.Н. Убийко, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева и многих других), указывается на моделирование внутреннего мира по образу мира внешнего. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, человек «запечатлел в языке» всего себя – и внешний облик, и мир эмоций и интеллекта, и отношение к окружающей действительности [1. С. 3]. Проявления внутреннего человека (чувства, эмоции, душевные состояния, мысли и т.д.), их признаки и свойства отражены в многочисленных и многоплановых образных сопоставлениях, несущих когнитивную информацию об их значимости для той или иной культуры (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, З.И. Резанова и др.). Процесс метафоризации осуществляется по определенным схемам, отраженным в понятиях парадигмы образов (Н.В. Павлович), семантической модели, модели регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, А.Д. Шмелев) и др. Авторы классического труда по когнитивной лингвистике «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон используют понятия когнитивной модели и концептуальной метафоры, которая осмысливается как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [2. С. 29].

Метафорические модели (ММ), характеризующие человека, отличаются многообразием по их источнику (объектной области, сфере источника, донорской сфере). Широкораспространенными являются антропоморфные, зооморфные, растительные и иные метафоры, используемые для характеристики объектов как окружающей действительности, так и внутреннего мира человека. Явления мира невещественного в ММ представлены как нечто материальное, обладающее соответствующими признаками и свойствами. Одним из важных источников метафорических проекций на объекты внутреннего мира человека является камень, признаки которого (твердость, прочность, тяжесть) лежат в основе образных выражений разного рода: «каменное сердце», «сердце не камень», «как за каменной стеной» и т.п. [3. С. 57–59]. Особой разновидностью камней как минералов, горных пород природного происхождения являются драгоценные камни, играющие важную роль в материальной и духовной культуре человека. Обращение к соответствующим разделам словарей поэтических образов дает исследователю возможность получить информацию о видах, качествах, свойствах драгоценных камней, сквозь призму которых метафорически отражается человек нематериальный.

Для достижения цели работы – охарактеризовать представленные в словарях образов ММ внутреннего мира человека с объектной областью «драгоценные камни» – мы ставим следующие задачи:

1. Установить состав ММ внутреннего человека с объектной областью «драгоценные камни».
2. Выявить реалии внутреннего мира, уподобляемые драгоценным камням.
3. Рассмотреть виды драгоценных камней, использующихся для метафорической характеристики внутреннего мира человека; указать основания сопоставления.
4. Определить наиболее значимые субъекты и объекты образных сопоставлений, а также наиболее устойчивые и распространенные образные соответствия.
5. Выявить тенденции развития образности, отраженные в реализациях ММ разного времени.

В работе использованы такие методы и приемы исследования, как анализ теоретических источников по изучаемой проблематике, сбор материала, наблюдение, классификация и систематизация, количественные подсчеты, сопоставительный анализ.

1. Словари поэтических образов как источник сведений о внутреннем мире человека. Внутреннее пространство человека, представленное в ММ, имеет определенную иерархию, в том числе в плане значимости тех или иных образных представлений. В качестве наиболее актуальных для характеристики внутреннего человека М.В. Пименова называет витальные, антропоморфные и зооморфные признаки [4. С. 12]; важным является и предметный мир в богатстве его реалий. Для рассмотрения понятийной области «драгоценные камни» как источника характеристик внутреннего человека мы обратились к трем словарям:

1. Словарь поэтических образов Н.В. Павлович (далее СПО) [5].
2. Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой (далее СЯП) [6].
3. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: «Камни, металлы» Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой (далее МСМС) [7].

СПО. Данный лексикографический источник позиционируется Н.В. Павлович как свод парадигм образов, существующих в русской художественной литературе XVIII–XX вв. (свыше 600 авторов) и включает 40 000 образных единиц, каждая из которых отражает ту или иную ММ, закреплённую в русской поэтической традиции. Материал сгруппирован по 23 разделам, внутри каждого из которых модели распределяются с учетом их распространенности. На первом месте оказываются модели с объектной областью «существо», что объясняется наибольшей частотностью данной образной параллели, применимой практически ко всем субъектам сопоставления.

Первый том словаря включает такие разделы, как «Живые существа» (в том числе человек), «Органы и части тела», «Бытие», «Ментальное» и иные, имеющие непосредственное отношение к миру человека. Словарь, построенный по идеографическому принципу, ориентирован не на научную, а на «поэтическую» классификацию. Например, модели с субъектом «душа» включены в раздел «Органы и части тела», поскольку в наивном языковом представлении о человеке душа является особым – невидимым – органом, «отвечающим за внутреннюю жизнь человека» [8. С. 137]. В связи с данным обстоятельством метафорический материал извлекается нами из двух разделов СПО – «Ментальное» и «Органы и части тела». Нами выявлено свыше 40 рубрик, содержание которых отражает субъекты сопостав-

ления в ММ, характеризующих внутреннего человека. Отметим, что раздел «Ментальное» в СПО отличается тематической широтой, в него включается и то, что имеет опосредованное отношение к внутреннему человеку (и не является предметом нашего рассмотрения) – например, «физические состояния» (голод, болезнь), «красота», «просвещение» и т.п.

СЯП. Представленный в данном лексикографическом источнике образный материал по сравнению с СПО ограничен и более узкими временными рамками (конец XVIII – начало XX в.), и объемом материала (4 500 единиц), и количеством авторов произведений (250). Обращаясь, как и Н.В. Павлович, к понятию образной парадигмы, авторы СЯП используют их левые элементы (субъекты сопоставления, приводимые в форме падежной конструкции, – «О душе», «О любви» и т.д.) в качестве заглавий словарных статей, представленных в алфавитном порядке. Содержание каждой из статей составляет перечень образных слов, сгруппированных с учетом их семантики; при этом вместо названий групп используется нумерация. В данном словаре нами выявлено свыше 30 словарных статей – и соответственно субъектных областей ММ, относящихся к внутреннему человеку.

МСМС. Группировка материала в данном словаре осуществляется на основании идеографического принципа, согласно которому выделяются семантические поля, и диахроническому, что дает исследователю возможность рассмотреть эволюцию компаративных тропов. Материал словаря – метафоры и сравнения, выбранные из произведений русской литературы XIX–XX вв. (по нашим подсчетам, свыше 570 авторов); объем образных единиц авторы не указывают. Особенность МСМС по сравнению с СПО и СЯП – группировка образного материала не по субъектам, а по объектам сопоставления. Информация о субъектной области ММ, характеризующей внутреннего человека, содержится в разделах «Душа, сердце, дух», «Интеллект», «Воля», «Свойства характера», «Категории духовного мира, мораль», «Чувства, душевные состояния». Авторы указывают разновидности тропов – метафоры, сравнения и т.д.

Имея различия в принципах группировки материала, в терминологии, в количестве и составе примеров, все названные словари включают реализации ММ, отражающие уподобление души и сердца человека, проявлений его эмоциональной и интеллектуальной жизни объектам понятийной области «драгоценные камни». Общее количество данных реализаций составляет свыше 150 единиц.

2. Драгоценные камни как источник метафорических проекций на внутренний мир человека. В поэтическом тезаурусе понятие «драгоценные камни» является достаточно широким. Авторы словарей поэтических образов включают в данную сферу как собственно драгоценные (алмазы, изумруды и т.п.), так и полудрагоценные и поделочные камни (гранат, горный хрусталь), а также вещества органического происхождения (жемчуг, коралл, янтарь). Данное обстоятельство, однако, не противоречит сложившейся практике расширенного толкования значения словосочетания «драгоценный камень».

В настоящее время существует обширная литература, посвященная истории драгоценных камней, их природным, магическим и иным свойствам, символике, связанным с ними преданиям, легендам, суевериям (Б. Андерсон, Г. Смит, Дж. Кунц, П.Дж. Рид, Дж. Стоун, Д. Скривнер, В.В. Буканов, С.М. Николаев, С.И. Красиков, Н.А. Ясаманов, А.Е. Ферсман и др.). Однако до сих пор не существует строгого, общепринятого определения понятия «драгоценный камень», о чем свидетельствует, например, наличие многочисленных классификаций (М. Бауэра – А.Е. Ферсмана, К. Клюге, В.И. Соболевского, Е.А. Киевленко и др.), различающихся и по основаниям классификации, и по отнесению камней к той или иной категории, и по наименованиям самих этих категорий. Д.О. Шнигер, анализируя одну из статей действующего закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», указывает на неполноту приведенного в ней списка, включающего всего семь наименований: природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, alexandrites, природный жемчуг и уникальные янтарные образования [9. С. 112]. Значительно более широкий перечень представлен в классических трудах, посвященных драгоценным камням, – например, в работе М.И. Пыляева, вышедшей в свет в 1877 г. [10], в монографии знаменитого минералога А.Е. Ферсмана [11] и др. Автор многократно переизданной монографии о драгоценных камнях Г. Смит выделяет три признака «настоящего» драгоценного камня: красота, долговечность и редкость; с учетом данных критериев к драгоценным камням допустимо относить и то, что не является камнем (минералом и/или горной породой), как, например, жемчуг, создаваемый живыми организмами и отличающийся малой прочностью и недолговечностью, что, однако, возмещается, по мнению автора, «бесспорной красотой» [12. С. 11]. По мнению автора «Энциклопедии драгоценных камней» Р.К. Баландина, вышеуказанные

признаки не являются абсолютными: например, алмаз красив исключительно в обработанном виде и долговечен только при соблюдении определенных условий, поскольку отличается хрупкостью [13. С. 182–183]. Само понятие «драгоценный камень» представляется достаточно размытым. Например, известный геммолог Б.У. Андерсон использует данное понятие в широком смысле для обозначения как собственно драгоценных, так и полудрагоценных и поделочных камней [14]; Н.И. Корнилов и Ю.П. Солодова предпочитают термин «ювелирные камни», включая в данную группу многочисленные минералы и горные породы (от алмаза до яшмы), поскольку под ювелирными камнями понимаются «любые камни, используемые в качестве украшений» [15. С. 3].

Особое отношение человека к драгоценным камням – эстетически привлекательным, ценным, окруженным мифопоэтическим ореолом, – издавна проявлялось в литературном творчестве: соответствующим мотивам и образам отводится важная роль как в прозаических, так и в поэтических произведениях [16]. К русской классической литературе неоднократно обращается Т.Б. Забозлаева, автор историко-культурно-логического словаря драгоценных камней [17]. Традиционными являются и ММ, отражающие уподобление драгоценным камням важнейших реалий природного и человеческого мира. Человек в зеркале данных ММ представлен в разных видах – и как внешний, и как внутренний.

Говоря о человеке телесном, отметим, что разнообразные драгоценные камни являются образными аналогами и частей тела человека, и его органов. Например, в СПО для обозначения реалий внешнего человека используются наименования более 20 драгоценных камней. При этом ведущим признаком сопоставления является цветовое сходство, отраженное в сопоставлениях, укорененных в поэтической традиции, например: губы – рубины, кораллы; зубы – жемчуг и др. Наиболее широкий спектр образных соответствий имеют глаза: бирюза, изумруды, агаты, хризолиты, аквамарины, аметисты и др. Главным признаком сопоставления является цвет (из имманентно присущих камням), главным из приписываемых им человеком (экспериментальным) – ценность. Объектная область ММ внутреннего человека является более узкой по сравнению с аналогичной областью, используемой для характеристики человека внешнего. В каждом из анализируемых нами словарей приведено значительное количество сопоставле-

ний реалий внешнего человека с драгоценными камнями – и сравнительно небольшое количество ММ, субъекты которых относятся к человеку внутреннему, что, по-видимому, обусловлено меньшей актуальностью цветового признака для описания внутреннего мира человека.

Вместе с тем цветовые ассоциации прослеживаются в реализациях ММ, включающих в объектную область обозначения драгоценных камней, имеющих окраску. В словарях отмечены немногочисленные обозначения разных по цвету камней применительно к тем или иным реалиям внутренней жизни человека. При этом так или иначе актуализирован цветовой признак – с учетом его символики. В русской культуре красный цвет ассоциируется с любовной страстью, синий и голубой – с чем-то возвышенным, идеальным, порой недостижимым, золотой – с солнцем, теплом, красотой и другими положительно оцениваемыми реалиями. Например, отражением любовной страсти предстают и *рубины алые* (В. Брюсов), и входящий в группу красных гранатов алмадин, пламя которого *хочет сжечь грузинок очи* (И. Северянин). Символика синего и фиолетового цветов находит отражение в реализациях ММ, относящихся к возвышенным проявлениям внутреннего человека, как, например, *аметистовая звезда любви* (Б. Лившиц) или *сапфирны грезы* (И. Северянин). Цвет сердолика – одно из оснований для метафорической характеристики одного из важнейших органов внутренней жизни человека: *сердца золотого сердолик* (В. Боков); многоцветность, радужность опала позволяет уподобить ему и сердце (Н. Клюев), и счастье (Г. Голохвастов), и мечту (К. Бальмонт). В реализациях ММ находят отражение и иные свойства камней. Например, способность окаменевшей ископаемой смолы сохранять что-либо в себе делает янтарь поэтическим аналогом памяти, в которую погружается *пестрый мотылек* памятного вечера (М. Лермонтов).

Объектная область рассматриваемых ММ представлена в словарях по-разному, что проявляется и в нетождественности перечней номинаций, и в несовпадении большинства иллюстраций – примеров из художественных текстов (совпадения примеров единичны). Например, изумруд и хризолит упомянуты только в СПО, малахит и янтарь – только в МСМС. Вместе с тем вполне отчетливо выделяются три основных объекта – алмаз, жемчуг и хрусталь, зафиксированные в качестве объектов сопоставления во всех трех словарях и реализую-

щие – в разных примерах – один и тот же набор признаков. Из количества реализаций ММ, отражающих параллели реалий внутреннего мира с драгоценными камнями, на долю сопоставлений с алмазом, жемчугом и хрусталем приходится 30% от общего объема метафорического материала в СПО, 49% – в СЯП, 62% – в МСМС.

Алмаз. Качества и свойства алмаза, определяющие его ценность и лежащие в основе уподобления ему объектов различных тематических классов, в том числе и реалий внутреннего мира, зафиксированы в словарном определении: «минерал, превосходящий твердостью и игрой света все другие минералы». В словарной статье указаны и основные направления ассоциаций: «о чем-то блестящем, искрящемся» или «исключительно ценном» [18. С. 17].

Имея наиболее простой по сравнению с другими камнями химический состав (кристаллический углерод), алмаз обладает характеристиками, обуславливающими его первенство в мире драгоценных камней. Специалисты отмечают у алмаза высокую степень проявления таких признаков, как твердость (десять баллов из десяти – самое твердое из веществ природного происхождения), светопреломление, дисперсия, блеск [12. С. 254], что отражено и в словаре В.И. Даля: «первый по блеску, твердости и ценности из дорогих (честных) камней» [19. С. 11].

Одно из важнейших свойств данного драгоценного камня отражено в его названиях: «алмаз» (араб.) – «твердейший», «адамант» (греч.) – «несокрушимый». В работах М.И. Пыляева, Дж.Ф. Кунца, С.П. Новоселова, С.П. Красикова и других нашли отражение многочисленные предания и легенды относительно особых свойств алмаза, придающего своему владельцу твердость духа, отвагу, сохраняющего ясность ума, изгоняющего печаль и т.д. и имеющего чудесное происхождение, например, из пяти начал природы – земли, воды, неба, воздуха, энергии [20. С. 9].

В словарях образов представлены реализации ММ, отражающие уподобление алмазу особо значимых реалий внутреннего мира человека. Сравнение с алмазом характеризует субъект сопоставления как нечто чистое, ценное, причастное свету. Традиционным субъектом сопоставления в данных ММ является душа как главный «представитель» внутреннего человека, например: *с душою чистой и светлой, как алмаз* (М. Лермонтов); *с душою светлой, как алмаз* (С. Андреевский); *непорочная душа – алмаз в короне добродетели* (Т. Шевченко).

Алмазу подобно и «содержимое» души, например: *И каждая дрожащая слеза гранила чистую печаль, и сверкала она в душе, как драгоценный алмаз* (Л. Андреев).

Красота и ценность алмаза дает основание для сопоставления с ним наиболее значимых чувств: это в первую очередь любовь – *младой души алмаз* (С. Шевырев), размышления – *царство златых, бриллиантовых дум* (В. Тепляков).

Ценность алмаза определяется и его размером, что представлено в контекстах типа *И красноречья три карата, / И веры в дело сто карат* (Н. Панов).

Твердость алмаза делает его поэтическим аналогом сердца как органа внутренней жизни человека, например: *Все переменится в нас, что глина, / Но сердце, сердце – как алмаз* (Вяч. Иванов).

Сопоставление реалий внутреннего человека с алмазом базируется сразу на нескольких основаниях, что позволяет поэтам и писателям использовать в качестве субъектов сопоставлений проявления внутреннего мира (чувства, состояния и т.п.) широкого спектра – от любви и радости до тоски и печали, при этом признаки сопоставления не всегда обозначены. Такова, например, *вера алмазная* (А. Вознесенский), обладающая признаками твердости и чистоты.

Главенствующая роль в мире драгоценностей определяет возможность использования алмаза для наименования коллекции уникальных драгоценностей, включающей помимо собственно драгоценных камней также самородки драгоценных металлов и ювелирные изделия, – Алмазного фонда. В качестве объекта сопоставления данное собрание драгоценностей может использоваться для метафорической характеристики совокупности ценностей, присущих внутреннему человеку, как, например, передаваемый молодому поколению *Алмазный фонд воспоминаний* (М. Светлов).

Жемчуг. Привлекательный облик жемчуга (цвет, перламутровый блеск, совершенство формы), его общепризнанная ценность лежат в основе сопоставления с ним разнообразных реалий внутреннего мира человека. Свойства жемчуга с давних времен давали возможность сравнивать с ним нечто прекрасное, возвышенное, священное. Анализируя символику жемчуга, В. Копалинский указывает на использование его народами Месопотамии для характеристики чистой, непорочной души, на именование раннехристианскими гностиками Спасителя «невыразимой жемчужиной» [21. С. 76–77]. Зарождение жемчужины

вследствие удара молнии в раковину моллюска рассматривалось как прообраз непорочного зачатия: молния – Святой Дух, раковина – Богородица, жемчужина – Христос [22. С. 260].

На Руси жемчуг являлся универсальной драгоценностью, используемой для украшения как царских, так и нарядных крестьянских одежд. Красота и относительная доступность жемчуга способствовали его популярности, в том числе и в плане осмысления жемчуга в качестве образного аналога значимых реалий мира природы (звезды, роса, капли дождя) и человека – внешнего и внутреннего. В «Слове о полку Игореве» Т.В. Грачева выделяет две устойчивые ассоциации жемчуга: с духовной и душевной чистотой («жемчужна душа») и со слезами [23. С. 14]. В древнерусских текстах исследователи обнаруживают упоминание жемчужины как символа бессмертия [24]. Ассоциативную связь жемчуга и слез, отраженную в примете «видеть во сне жемчуг – к слезам», отмечает А.Н. Афанасьев при рассмотрении представления древних славян о жемчуге как слезах богини зари [25. С. 308].

Словари поэтических образов включают реализации ММ, в субъектную область которых входят обозначения жемчуга, а в объектную – наименование реалий внутреннего мира человека. В одической поэзии XVIII в. это, например, добродетели монархов и их подданных: *Любовь любимого народа, / Се перло царского венца* (Г. Державин); *Как злато, истина яснее, / И милость, как драгий жемчуг* (Вас. Майков). В поэзии разных эпох жемчужинам подобны разные чувства и состояния, в том числе грустные, ностальгические: *сонный жемчуг / Невозвратимых чувств, необратимых дней* (Д. Андреев); *Но жемчугов твоей печали, / как прежде, матовость черна* (И. Северянин). В последнем примере актуализирован цветовой признак жемчуга, имеющего не только светлые тона. Посредством образа жемчуга характеризуются такие объекты ментальной сферы, как мысли, мечты, желания: *мысль – жемчужина, павшая в чашу* (А. Белый); *...чувства ее жемчужность* (И. Северянин); *И мечтанья – светлый жемчуг* (К. Бальмонт) и др.

Прослеживается мотив нанизывания и рассыпания жемчуга, например: *Помнятся, и видятся, и движутся / Вымыслы безудержной мечты, / Словно перлы сказочные нижутся / В ожерелье жуткой красоты* (В. Брюсов); *И рассыпалась грусть жемчугами* (А. Блок). В последнем примере актуализирована связь жемчуга и скорби (при-

мер взят из произведения, героиня которого погружена в глубокую печаль: «Слезы уронены, / Мечты похоронены» [26. С. 304]).

Жемчуг неоднократно упоминается в развернутых метафорах, примеры которых представлены во всех трех словарях. Например, связь жемчуга как аналога счастья с жизнью человека отмечает В. Бенедиктов: *Други милые, оно / Бытия в железной чаше / Перл, опущенный на дно. Драгоценное счастье оказывается спрятанным в глубине железного сосуда – сурового бытия; в данном контексте реализуется и другая ММ, отражающая древнейшее представление о бытии как чаше, которую человек должен выпить до дна. В образе жемчужин представлены мысли и стремления чистых душ в строках К. Фофанова *Выбрасывает вал сурового забвенья / На берег бытия, как зерна жемчугов*; изначально пребывающие в водной среде, эти «жемчуга» оказываются перенесенными из метафорических глубин на метафорическую же сушу – в бытие как земное пространство. Мысли и чувства, невысказанные и безымянные, Вл. Соловьев уподобляет *жемчужной волне*, накатывающейся на *берег надежды и берег желания* – пространство, также принадлежащее ментальной сфере. Контакт моря и суши, осуществляемый посредством *радостно-мощного прибоя*, метафорически отражает динамичный, положительно окрашенный образ внутренней жизни человека.*

Зарождение и существование жемчуга в скрытых от взгляда водных глубинах дает поэтам основание использовать данный образ для описания чего-либо потаенного, сокровенного, драгоценного, например: *Лучший перл таится / В глубине морской. / Зреет мысль святая / В глубине души* (Ю. Жадовская); поэт – *Ловец в пучине бытия / Стоцветных перлов ожидания* (В. Брюсов). Рассматривая пространственную интерпретацию «состава» внутреннего человека, исследователи указывают на значимость образов как внешнего, так и внутреннего пространств. Психические феномены либо уподобляются реалиям внешнего мира, что расценивается как изобразительная доминанта в характеристике внутреннего мира (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев и др.), либо сами представляют собой «внутрипространственные образы» [27. С. 15]. В развернутых метафорах внутреннего человека с участием образа жемчуга наблюдается взаимодействие пространств разного вида: душа / внутренний мир / бытие / память – море, содержащее в том числе и жемчужины, которые в свою очередь являются содержимым меньшего по объему пространства – раковины – жемчужина, таким образом, оказывается надежно скрытой.

Душа и сердце, концептуализированные в русской языковой картине мира, в том числе и как вода/водоемы и вместилища, одним из параметров которых является глубина, предстают водными хранилищами «жемчужного» содержимого. Например, сердце – это пучина, в которой *скрыты перлы дорогие* (В. Бенедиктов); оно подобно морю по способности бурлить и волноваться, а также хранить *дорогие жемчужины* (А. Майков). Отметим, что в литературе разного времени имеется и прямое сопоставление души и сердца с жемчугом, как, например, *молодая жемчужная душа* (Н. Гоголь) или сердце – *драгоценная перла* (А. Бестужев-Марлинский).

К устойчивым образам русской литературы, прежде всего поэзии, относится уподобление сердца раковине-жемчужнице. Пребывающие в сердце чувства, по замечанию Е.В. Урысон, мало зависят от каких-либо внешних воздействий, и если для пространства души характерны разнообразные процессы внутренней жизни человека, то сердце – это главным образом место зарождения тех или иных чувств [28. С. 24–25]. Небольшой объем сердца в наивном образе человека по сравнению с душой, его компактность, обтекаемость формы служат, по-видимому, дополнительными основаниями для уподобления сердца раковине. Жемчужина в раковине – символ сердца и души, пребывающей в теле, и в то же время символ тех или иных составляющих души и в целом внутреннего мира.

Хрусталь. Хрусталь сходен с алмазом по чистоте, прозрачности, блеску и используется для образной характеристики того же круга реалий внутреннего мира человека. В русской поэтической традиции с хрусталем сопоставляется чистая, непорочная душа, незапятнанная совесть: *хрустальная прозрачная душа* (И. Гончаров); *Душа чистая и ясная, как хрусталь* (А. Эртель); *Ты была нетронутой и ясной, / Как душа хрустальная твоя* (М. Лохвицкая); *со своей чистою, как хрусталь, совестью* (Н. Лесков) и др.

Словари образов включают и неоднократно встречающиеся в русской образной системе уподобления хрусталью печали, например: *Порой влюбленно улыбнется / Моя хрустальная печаль* (В. Набоков); *Печаль твоя, как хрусталь, ясна* (В. Горянский). Печаль, относящаяся к базовым концептам культуры, обладает – в числе многих других – и признаком, дающим возможность сопоставления ее с хрусталем: она «светлая», т.е. чистая, прозрачная. В.В. Колесов, рассматривая глубинные признаки данного концепта, отмечает существование в рус-

ском языковом сознании и «светлой печали» – лиричной, связанной с радостью, с жизнью [29. С. 6].

Среди продуктивных моделей, объективирующих концепт «мечта», исследователи упоминают такие, как *мечта – хрупкий предмет* и *мечта – ценность* [30. С. 19], так что уподобление ее хрусталию является вполне органичным. Словари образов содержат примеры из произведений К. Бальмонта, неоднократно использующего эпитет «хрустальный» по отношению к разным объектам (воздуху, снежинке, голосу, страданию и др.): *Прозрачная, хрустальная, поет мечта моя; Хрустальности мечты учил меня ручей*. Уподобление хрусталию отражает представление о мечте как о чем-то чистом, светлом, возвышенном. Данное метафорическое представление о мечте несколько отличается от представленного в словарях известного оборота «хрустальная мечта» как аналога «голубой мечты» – заветной, сокровенной [18. С. 347].

В некоторых случаях актуализирован звуковой аспект образа, например: *Твоя душа молчала, как рояль. / А здесь, соприкоснувшись с новым бытом, / Она позванивает, как хрусталь* (И. Северянин); *Сердце звенело мое, как звенит баккара!* (И. Елагин).

Непрочность хрусталия служит основанием для сопоставления с ним сердца, которое в русском языковом сознании представлено как нечто хрупкое, способное разрушиться, что отражено, например, во фразеологизмах «разбить сердце» и «разбитое сердце», в русском названии растения дицентры, а также в медицинском термине «синдром разбитого сердца», обозначающем заболевание, вызванное сильными эмоциональными переживаниями [31. С. 55]. Сердце разбивается, как *хрупкий хрусталь*, его осколки *сочатся по капелькам кровью* (Ч. де Габриак). Хрупкими оказываются чувства: *Как хрусталь – влеченье сердца, / Как бокал – любовь людская, / Чуть толкнешь его неловко, / Разобьется на куски* (К. Бальмонт); *...хрустнет хрусталь печали, как льдинка под ногой* (Б. Пильняк). Сходство хрусталия и льда позволяет поэтам связывать образ хрусталия с бесчувственностью, холодностью, например: *Вот и боль заморозилась, полдень настал, / Сердце в гранях застыло, как горный хрусталь* (С. Кирсанов).

Кристалл. Определения кристаллов в словарях сводятся к следующему: это имеющие форму правильных многогранников твердые тела, частицы которых образуют кристаллическую решетку. В пере-

воде с греческого языка кристалл – лед, а также горный хрусталь. Кристаллами традиционно именуют драгоценные камни, ценность, прозрачность и чистота которых делают их аналогами души, духа, памяти, мысли и некоторых других реалий внутреннего человека: *Твоя душа – кристалл, дрожащий / В очарованьи светлых струй* (Ф. Сологуб); *Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир* (И. Анненский); *Кристаллы дум, алмазы слез* (А. Белый) и др.

«Родство» кристалла и льда способствует использованию соответствующего образа для характеристики холодности, бесчувственности, например: *Я желал молиться, но душа, / Как дорогой кристалл, блистает, не дыша* (В. Брюсов). Для измученного негативными чувствами сердца *нет грезы ласково обманней, / Чем стать кристаллом при свечах / В лиловом холоде мерцаний* (И. Анненский). Кристаллы по разным причинам (воздействие агрессивной среды и др.) способны утрачивать свою прозрачность, что находит отражение в реализациях ММ, в субъектную область которых входят наименования изначально чистых, но «поврежденных» реалий внутреннего мира, например: *Духа помутившийся кристалл* (Б. Лившиц); *Зачем те чувства, что чище кристалла, / темнить лукавством...* (М. Кузмин).

В словарях образов представлены реализации ММ, включающие в область объекта магический кристалл. В работах Ю.М. Лотмана, Н.О. Лернера, Н.С. Араповой и других содержатся сведения относительно как формы магических кристаллов, так и материала, из которого они изготовлены. Как отмечает М.Ф. Мурьянов, эти кристаллы изготавливались из горного хрусталя или берилла, а само упоминание кристалла может подразумевать именно магический кристалл, как в пушкинском «Зизи, кристалл души моей» [32. С. 94–95]. Магическому кристаллу, способному сохранять информацию о прошлом и предсказывать будущее, уподоблены, например, память, мысль: *Но в памяти магическом кристалле / Осенние те розы отцвели* (Вс. Рождественский); *Я за то свою мысль ненавижу, / Что в холодном кристалле ее / Я вчерашнее счастье свое / Беспощадно развенчанным вижу* (В. Брюсов).

3. Отражение тенденций развития образности в словарях языка поэзии. Материалы словарей отражают некоторые тенденции в развитии поэтического языка. Упоминания драгоценных камней в качестве объектов сопоставления в литературе старой и новой (XVIII–XX вв.) имеют черты как сходства, так и различия. Авторы «Очерков истории языка русской поэзии», рассматривая эволюцию тропов в

поэтическом языке XX в., выявляют такие тенденции, как конкретизация устойчивых образов, количественное и качественное видоизменение образных рядов, снижение высокого, вовлечение в образность бытовых реалий [33. С. 6–106]. Данные тенденции, как свидетельствуют материалы словарей поэтических образов, проявляются и в характеристике реалий внутреннего мира человека посредством их сопоставления с драгоценными камнями. Из поэтического обихода уходят старые названия драгоценных камней (яхонт, лал и др.). Видоизменяются образные ряды: появляются новые объекты сопоставления, не востребованные литературой прошлых веков, как, например, *сердца золотого сердолик* (В. Боков), тоска – *малахитов камень* (Е. Полонская), *сердце-опал* (Н. Клюев).

Алмаз, жемчуг, хрусталь в качестве образных соответствий внутреннего человека активно используются и в старой, и в новой литературе. Вместе с тем в словарях образов обнаруживаются реализации ММ, отражающие и характеристики драгоценных камней, и аспекты их рассмотрения, неактуальные для литературы XVIII–XIX вв. Например, «горение» камня традиционно обозначало его блеск, световую характеристику: *В горьком опыта фиале / Твой (радости. – Е.К.) алмаз на дне горит* (Ф. Тютчев) и др. В новой литературе это не просто свет, а огонь, как в тексте М. Кузмина, в котором на смену пламени сомненья приходит иной вид огня: *Сердца взывающего горит алмаз*, или Н. Олейникова, уподобляющего горящему алмазу страстное чувство; ср.: *Тлеет душа, как алмаз* (Вяч. Иванов).

Внутренний мир человека в литературе XX в. сопоставлен с драгоценным камнем не только по своим традиционно выделяемым свойствам и качествам, но и в плане его формирования под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Источником соответствующих тропов, отражающих развитие внутреннего человека, оказывается главным образом алмаз, для образования и совершенствования которого в недрах земной коры необходимым условием (помимо температуры свыше 1 600°) является высокое давление: *Под давящим свыше бременем / Твердых лав и мертвых масс / Станет мутный дух со временем / Чист и прочен, как алмаз* (Д. Андреев). Природа алмаза как формы кристаллического углерода осмысливается поэтами в плане его родства с углем, который под воздействием пламени превращается в алмаз (А. Блок, А. Белый). Безупречный облик алмаза в новой литературе представлен как результат работы, актив-

ной деятельности человека. Таковы, например, *алмазные вымыслы*, не имеющие особой ценности, *пока отделки блеск не заиграл на них* (Н. Матвеева) или *цельная, как алмаз, душа, находящаяся в ожидании лишь руки, которая с бережной любовью нанесет на нее бесчисленные грани, в которых отразится мир* (Д. Рубина).

Невещественное в литературе XX в. приобретает свойства вещественного – иногда подчеркнуто вещественного. Субъект сопоставления конкретизируется, детализируется, традиционно высокие реалии снижаются, обытовляются. Например, сердце как вместилище жемчуга становится сосудом, в котором человек переносит нечто ценное для себя; оно предстает раковиной или *ракушкой* (В. Хлебников), имеющей такие характеристики, как закрытый малый объем, наличие створок: *жемчужница тесная* (Вяч. Иванов); *Тише жемчуга несомый в створках сердца* (М. Цветаева). Отметим, что уподобление сердца раковине – как и другим прозаичным вместилищам (миске, термосу, ящику и т.д.) – отмечено авторами словарей только в текстах XX в.

Традиционное представление о драгоценном камне как аналоге чего-либо возвышенного претерпевает изменения. Субъектом сопоставления может быть нечто негативное, например: *Болван, чья ограниченность гранилась, / Как бриллиант* (Н. Матвеева); *изумруды безумий* (В. Маяковский). Твердость алмаза лежит в основе уподобления ему непреходящего мучительного чувства: *А вот тоска – как алмаз. Ничего ей не делается. Стоит в груди и не тает* (Г. Иванов). Отрицательную оценку могут получить и оба элемента традиционно возвышенной ММ. Таково, например, сравнение души с опалом, происхождение которого издавна связывали с божеством (радостные слезы Зевса, победившего титанов, плоть богини радуги и др.). В реализации соответствующей ММ, используемой М. Горьким, оба элемента модели не выглядят возвышенно: *Человечьи души кажутся мне... мутно-пестрыми, как лживый камень опал – они всегда податливо изменяются сообразно цвету того, что коснется их. Перлы мыслей благородных, прекрасные сами по себе, неуместны в ситуации предложения их голодным людям вместо хлеба* (Д. Мережковский).

Заключение

Словари поэтических образов содержат значительное количество реализаций ММ с объектной областью «драгоценные камни», отно-

сящихся к внутреннему миру человека. Данные образные соответствия отражают представления о значимых для русской культуры свойствах и признаках важнейших реалий внутреннего человека, относящихся к душе, сердцу, сфере чувств и эмоций, интеллекту. Объектная область ММ представлена обозначениями различных драгоценных камней, среди которых по частоте употребления и количеству ММ выделяются алмаз, жемчуг и хрусталь: на их долю в каждом из словарных источников приходится от одной до двух третей от количества реализаций ММ внутреннего мира с объектной областью «драгоценные камни», причем контексты, содержащие соответствующие образы, как правило, не совпадают.

Будучи различными по своей природе (например, жемчуг, в отличие от алмаза и горного хрусталя, имеет органическое происхождение), физическим характеристикам (твердость алмаза, хрупкость хрусталя и др.), алмаз, жемчуг и хрусталь обладают свойствами, обуславливающими их возможность образно отображать наиболее важные, особо ценные, положительно воспринимаемые реалии внутренней жизни человека.

Каждый из данных объектов сопоставлений, как явствует из представленного в словарях материала, используется для характеристики нескольких реалий. Цвет, чистота жемчуга, его формирование в недоступных для глаза водных глубинах, замкнутость в раковине позволяют использовать его для образного описания души, чувства, любви, мечты, счастья, печали, ожидания, милости, памяти. Хрусталь, сходный с алмазом по прозрачности, способности преломлять и отражать свет, обладающий хрупкостью и способностью звучать, используется для образной характеристики души, сердца, любви, мечты, совести, печали, страдания. В плане репрезентации внутреннего человека практически универсальным является алмаз – наиболее ценный среди драгоценных камней, отличающийся прозрачностью, ярким блеском, уникальной твердостью, требующий огранки для проявления своих свойств, формирующийся под воздействием высокого давления и температур. В материалах словарей образов представлен широкий круг сопоставляемых с алмазом реалий внутреннего мира человека: душа, дух, сердце, любовь, вера, дума, память, воля, добродетель, радость, печаль и др.

Отметим, что наиболее последовательно сопоставляются с драгоценными камнями следующие реалии: душа, сердце, любовь, печаль,

мечта и мысль; соответствующие ММ зафиксированы во всех словарных источниках. ММ *душа – алмаз, душа – жемчуг, душа – хрусталь, сердце – алмаз, сердце – хрусталь, чувство – алмаз, чувство – хрусталь/кристалл, чувство – жемчуг*, как явствует из материалов словарей, включающих фрагменты текстов разных литературных эпох, отличаются наибольшей стабильностью, а также универсальностью, проявляясь в произведениях представителей разных литературных направлений и течений. Анализ приведенных в словарях примеров из новой литературы (с начала XX в.) дает основание говорить о том, что в реализациях ММ рассматриваемой группы проявляются такие тенденции развития образности, как пополнение образных рядов новыми элементами, снижение высокого, конкретизация образов.

Таким образом, представленные в словарях реализации ММ с объектной областью «драгоценные камни» полно и многоаспектно отражают представления о внутреннем мире человека, существующие в русской культуре, а также тенденции развития образности, проявляющиеся в современной литературе.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Индрик, 1999. С. 3–11.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Гнездилова Н.С. Метафорическое функционирование концепта «камень» в образной системе русского языка // Вестник ТГПУ. 2019. Вып. 7 (204). С. 55–82.
4. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 40 с.
5. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 848 с.
6. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М. : Астрель; Русские словари; Транзит-книга, 2004. 666 с.
7. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: Камни, металлы; Вып. 5: Ткани, изделия из тканей. М. : Издательский дом ЯСК, 2017. 680 с.
8. Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 133–152.
9. Шнигер Д.О. Критика определения понятия драгоценных камней по российскому законодательству // Журнал Российского права. 2011. № 12. С. 112–121.

10. Пыляев М.И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. Репринтное воспроизведение издания 1888 г. М. : Х.Г.С., 1990. 404 с.
11. Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М. : Наука, 1974. 252 с.
12. Смит Г. Драгоценные камни / пер. с англ. А.С. Арсанова, Б.А. Борисова. 2-е изд.-е. М. : Мир, 1984. 592 с.
13. Баландин Р.К. Энциклопедия драгоценных камней и минералов. М. : Вече, 2000. 392 с.
14. Андерсон Б.У. Определение драгоценных камней. М. : Мир камня, 1996. 456 с.
15. Корнилов Н.И., Солодова Ю.П. Ювелирные камни. М. : Недра, 1982. 239 с.
16. Шилкина М.М. Мотивы и образы драгоценных камней в русской поэзии рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
17. Забозлаева Т.Б. Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: История. Терминология. Предметный мир. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 464 с.
18. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2001. 960 с.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Русский язык МЕДИА, 2006. 699 с.
20. Милашев В.А. Алмаз. Легенды и действительность. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Недра, 1981. 101 с.
21. Копалинский В. Словарь символов. Калининград : Янтарный сказ, 2002. 264 с.
22. Ковтун Л.С. Рождение жемчуга (знаки и образы в приточном символе) // Исследования по древней и новой литературе. Л. : Наука, 1987. С. 260–266.
23. Грачева Т.В. Жемчуг в русской литературе // Русская речь. 2002. № 3. С. 14–20.
24. Мещерский Н.А., Мещерская Е.Н. «Жемчужна душа» в «Слове о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л. : Наука, 1989. С. 144–147.
25. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 1. М. : Современный писатель, 1995. 411 с.
26. Блок А. Стихотворения и поэмы. М. : Правда, 1978. 480 с.
27. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 28 с.
28. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
29. Колесов В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 5–13.
30. Сергеев С.А. Особенности объективации концепта мечта в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
31. Харина Т.П., Таряник П.В. и др. Синдром «разбитого сердца» или стресс-индуцированная кардиомиопатия (синдром такацубо) // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2000. № 1 (66). С. 55–60.

32. Мурьянов М.Ф. Магический кристалл // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1990. Вып. 6. С. 92–95.

33. Очерки языка русской поэзии: Образные средства поэтического языка и их трансформация / отв. ред. В.П. Григорьев. М. : Наука, 1995. 263 с.

References

1. Arutyunova, N.D. (1999) Vvedenie [Introduction]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of the language. The image of a person in culture and language]. Moscow: Indrik. pp. 3–11.

2. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).

3. Gnezdilova, N.S. (2019) Metaphorical Functioning of the Concept Stone in the Figurative System of the Russian Language. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 7 (204). pp. 55–82. (In Russian).

4. Pimenova, M.V. (2001) *Kontsepty vnutrennego mira (russko-angliyskie sootvetstviya)* [Concepts of the inner world (Russian-English correspondences)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.

5. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoy khudozhestvennoy literatury: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: On the material of Russian fiction: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Editorial URSS.

6. Ivanova, N.N. & Ivanova, O.E. (2004) *Slovar' yazyka poezii: Obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.* [Dictionary of the Language of Poetry: Figurative Arsenal of Russian Lyrics of the Late 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Astrel': Russkie slovari: Tranzitkniga.

7. Kozhevnikova, N.A. & Petrova, Z.Yu. (2017) *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX–XX vv.* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th–20th centuries]. Vols 4 and 5. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

8. Shmelev, A.D. (2005) Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka [Spirit, soul and body in the light of the data of the Russian language]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 133–152.

9. Shniger, D.O. (2011) Kritika opredeleniya ponyatiya dragotsennykh kamney po rossiyskomu zakonodatel'stvu [Criticism of the definition of the concept of precious stones under Russian law]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*. 12. pp. 112–121.

10. Pylyayev, M.I. (1990) *Dragotsennyye kamni. Ikh svoystva, mestonakhozhdeniya i upotrebleniye*. [Precious stones. Their properties, location and use]. Reprint of the 1888 edition. Moscow: Izd-vo "Kh.G.S."

11. Fersman, A.E. (1974) *Rasskazy o samotsvetakh* [Stories about gems]. Moscow: Nauka.

12. Smith, H.G. (1984) *Gems and Precious Stones: With Descriptions of Their Distinctive Properties, the Methods for Determining Them, &C.* 2nd ed. Moscow: Mir. (In Russian).

13. Balandin, R.K. (2000) *Entsiklopediya dragotsennykh kamney i mineralov* [Encyclopedia of precious stones and minerals]. Moscow: Veche.
14. Anderson, B.W. (1996) *Gem testing*. Moscow: Mir kamnya. (In Russian).
15. Kornilov, N.I. & Solodova, Yu.P. (1982) *Yuvelirnye kamni* [Jewelry stones]. Moscow: Nedra.
16. Shilkina, M.M. (2004) *Motivy i obrazy dragotsennykh kamney v russkoy poezii rubezha XIX–XX vekov* [Motifs and Images of Precious Stones in Russian Poetry at the Turn of the 20th Century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
17. Zabozaeva, T.B. (2003) *Dragotsennosti v russkoy kul'ture XVIII–XX vekov: Istoriya. Terminologiya. Predmetnyy mir* [Jewels in Russian culture of the 18th–20th centuries: History. Terminology. Subject world]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
18. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2001) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.
19. Dal', V.I. (2006) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk MEDIA.
20. Milashev, V.A. (1981) *Almaz. Legendy i deystvitel'nost'* [Diamond. Legends and reality]. 2nd ed. Moscow: Nedra.
21. Kopalinskiy, V. (2002) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Kaliningrad: Yantarnyy skaz.
22. Kovtun, L.S. (1987) *Rozhdenie zhemchuga (znaki i obrazy v pritochnom simvole)* [The Birth of Pearls (Signs and Images in the Influx Symbol)]. In: *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies in Ancient and New Literature]. Leningrad: Nauka. pp. 260–266.
23. Gracheva, T.V. (2002) *Zhemchug v russkoy literature* [Pearls in Russian literature]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 14–20.
24. Meshcherskiy, N.A. & Meshcherskaya, E.N. (1989) “Zhemchyuzhna dusha” v “Slove o polku Igoreve” [“Pearl Soul” in the Tale of Igors Campaign]. In: *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies in Ancient and New Literature]. Leningrad: Nauka. pp. 144–147.
25. Afanas'ev, A.N. (1995) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovremennyy pisatel'.
26. Blok, A. (1978) *Stikhotvoreniya i poetry* [Verses and poems]. Moscow: Pravda.
27. Kos'kina, E.V. (2004) *Vnutrenniy chelovek v russkoy yazykovoy kartine mira: obrazno-assotsiativnyy i pragmatilisticheskiy potentsial semanticheskikh kategoriy “prostranstvo”, “sub”ekt”, “ob”ekt”, “instrument”* [The inner person in the Russian language picture of the world: the figurative-associative and pragmatic potential of the semantic categories “space”, “subject”, “object”, “instrument”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
28. Uryson, E.V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of researching the language picture of the world: Analogy in semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
29. Kolesov, V.V. (2017) *Grust'-toska v russkom yazykovom soznanii* [Sadness-longing in the Russian language consciousness]. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 5–13.

30. Sergeev, S.A. (2005) *Osobennosti ob"ektivatsii kontsepta mehta v russkoy yazykovoy kartine mira* [Features of the objectification of the concept of a dream in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
31. Kharina, T.P. et al. (2016) Sindrom "razbitogo serdtsa" ili stress-indutsirovannaya kardiomiopatiya (sindrom takatsubo) [The broken heart syndrome or stress-induced cardiomyopathy (takatsubo syndrome)]. *Zdorov'e. Meditsinskaya ekologiya. Nauka*. 1 (66). pp. 55–60.
32. Mur'yanov, M.F. (1990) Magicheskiy kristall [Magic Crystal]. *Vremennik Pushkinskoy komissii*. 6. pp. 92–95.
33. Grigor'ev, V.P. (ed.) (1995) *Ocherki yazyka russkoy poezii: Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the language of Russian poetry: figurative means of poetic language and their transformation]. Moscow: Nauka.

Сведения об авторе:

Купчик Елена Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elwika@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena V. Kupchik, Dr. Sci. (Philology), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elwika@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 08.04.2022; accepted for publication 02.12.2022.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 398.41(=512.151)+398.41(=512.3)

doi: 10.17223/22274200/26/3

О концепции этнолингвистического мифологического словаря алтайцев

Надежда Романовна Ойроткина¹

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия,
sibfolklore@mail.ru*

Аннотация. Дана характеристика этнолингвистического мифологического словаря алтайцев, в частности принципов описания и тематической классификации его мифолексем. С учетом специфики национального мифовидения алтайцев формулируются цель и задачи словаря, характеризуются материал и методы исследования, описывается структура словаря и словарной статьи, выделяются основные принципы формирования словника.

Ключевые слова: алтайцы, лексикография, этнолингвистика, мифологический словарь, мифология алтайцев, мифема, мифоконцепт, словник

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Мифологическая лексика алтайцев: лексикографическое описание и исследование», № 20-012-00265 А.

Для цитирования: Ойроткина Н.Р. О концепции этнолингвистического мифологического словаря алтайцев // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 54–77. doi: 10.17223/22274200/26/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/3

On the conception of an ethnolinguistic mythological dictionary of the Altaians

Nadezhda R. Oynotkina¹

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, sibfolklore@mail.ru*

Abstract. The paper presents the conception of the *Mythological Dictionary of the Altaians*, the principles of description and thematic classification of mytholexemes. The conception of the mythological dictionary is outlined. The dictionary's development takes into account the specifics of the national worldview. The purpose and objectives of the dictionary are formulated; the material and research methods are characterized; the description and characteristics of the structure of the dictionary and dictionary entry are given; the basic principles of glossary formation are highlighted. The compiled dictionary refers to the linguoculturological explanatory dictionary type. The main principles for choosing mythemes were: (1) complete or partial inconsistency of the mythological significate (the conceptual content of a name or sign) with the referent (an object of extralinguistic reality); (2) mythologism, or the presence in the semantics of the word of a reduced myth; (3) conceptual content that is not limited to the lexical meaning of the word, and the semantics of the mythological concept revealed by its historical, ethnographic, figurative, evaluative components; (4) stability and variability of the mytholexeme in the mythology and folklore of a given ethnic group or area. The identified mytholexemes were classified based on their part-of-speech affiliation, word-formation pattern, and conceptual content. In addition to the mythological vocabulary of the southern Altaians (Altai-Kizhi, Telengits, Teleuts), the dictionary includes the vocabulary of the northern dialect groups (Chalkans, Kumandins, Tubalars). The dictionary is illustrated by contexts from published and unpublished sources, archival and field materials, texts of different genres that contain myths, legends, mythological stories, legends, heroic tales, and ritual texts of the Altaians. The dictionary has thematic sections: "The World of Deities and Spirits", "The World of Nature", "The World of Man", "The World of Things". The thematic section "The World of Deities and Spirits" includes subsections: deities and spirits of the Upper World, deities and spirits of the Lower World, deities and spirits of the Middle World, the world tree. The section "The World of Nature" consists of subsections: planets and stars, natural phenomena, metals and minerals, flora and fauna. The section "The World of Man" includes subsections: man and his soul, parts of the body, heroes, social roles; birth; time and calendar; cult objects; food; ritual actions. The section "The World of Things" con-

tains subsections: buildings and household items; weapon; clothing and jewelry; cultural items. A special subsection contains lexemes expressing numerical and color features of objects. The bilingual explanatory *Mythological Dictionary of the Altaians* acquaints the reader with the mythological concepts, ideas of this ethnic group that go deep into their ancient pagan beliefs and shamanism. It can be in demand not only in studies of the mythology and beliefs of the Altaians, but also among a wide circle of readers interested in the culture of the Turkic and other peoples of Siberia.

Keywords: Altaians, lexicography, ethnolinguistics, mythological dictionary, mythology of Altaians, mytheme, mythoconcept, glossary

For citation: Oynotkinova, N.R. (2022) On the conception of an ethnolinguistic mythological dictionary of the Altaians. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 54–77. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/3

Введение

Цель статьи – кратко характеризовать концепцию этнолингвистического мифологического словаря алтайцев. Любой словарь считается одной из форм сохранения языка, поскольку в лаконичной форме представляет разные данные в систематизированном виде. Мифология этноса является самой первой попыткой познать и упорядочить окружающий мир, поэтому картина, отраженная в ней, есть часть этнической картины мира. Идея создания такого словаря обусловлена рядом факторов: 1) недостаточной изученностью мифологической лексики и ее семантики, несмотря на развитость мифологии в культуре алтайцев; 2) необходимостью наиболее полного составления словника и описания мифем алтайского фольклора для выявления мифологических кодов алтайской культуры; 3) широкой востребованностью словаря в разных сферах жизнедеятельности человека, в том числе в преподавании языка, фольклора и литературы в различных учебных заведениях (школах, вузах).

Создание этнолингвистического мифологического словаря даст возможность выявить картину мира, запечатленную в различных фольклорных текстах алтайцев, и определить мифологические коды, т.е. то, каким образом происходит означивание мифа в мыслительной деятельности человека.

Составленный нами мифологический словарь алтайцев относится к типу этнолингвистических словарей, совмещающих в себе качества лингвистического толкового и тематического словаря. В современной

лексикографии существует солидный опыт, связанный с попыткой объединить в этнолингвистическом словаре собственно лингвистические и этнокультурные данные [1. С. 50]. Объединение лингвистических и этнокультурных данных на современном этапе развития теоретической и практической лексикографии все больше и больше воспринимается как естественное [2, 3].

Особенность этнолингвистического словаря заключается в толковании символа культуры, соотносящегося с отдельным словом-понятием, с его семантико-словообразовательными и диалектными вариантами и контекстами в форме фольклорных текстов и описаний обрядовой жизни, клишированными формулами, текстами малых фольклорных жанров и пр. Разнородность контекстов слова требует особого подхода в представлении материала. Авторы этнолингвистических исследований основываются на синкретичности рассмотрения языковых единиц и соотносящихся с ними фактов народной культуры [4. С. 158]. Изданные коллективом авторов этнолингвистические словари «Славянские древности», редакторами которых стали Н.И. Толстой и С.М. Толстая [5, 6], показывают разнообразие языковых, фольклорных и обрядовых сведений как источника реконструкции архаических представлений славян. Этнолингвистические словари преследуют цели дать точные сведения «этимологического типа, указывающие генетические истоки тех или иных форм и элементов, их связь с родственными культурными традициями» [6. С. 10]. Этнолингвистический словарь может быть словарем толкового типа, раскрывающим семиотические функции и семантику элементов культуры. Он может быть словарем-указателем, определяющим сферу функционирования и основные культурные контексты выделенных единиц [6. С. 10].

Этнолингвистическое направление интенсивно развивается и в тюркологии, появились этнолингвистические словари духовной и мифологической лексики на материале татарского и башкирского языков [7, 8].

Методы исследования и принципы формирования словника

При составлении словника мы ориентировались на разные лингвистические подходы: словоцентрический – при выделении слова как единицы лексико-семантической системы и как иерархически организованной семантической структуры, представляющей собой комплекс

смыслов и коннотаций; текстоцентрический подход – при описании слова как составляющей текста и опоре на текст как на основной источник информации о слове; словарно-центрический подход – при интерпретации языкового материала на основе словарей разных видов; антропоцентрический подход – при представлении слова как прагматической единицы, реализующей определенные функции при наличии определенных условий [9. С. 9–10].

Словоцентрический подход. Мифолексемы как единицы лексико-семантической системы и как иерархически организованной семантической структуры обладают комплексом понятийных смыслов и образно-оценочных коннотаций, включение которых в словарную статью требует их скрупулезного и тщательного анализа. Словоцентрический подход, ориентированный на лексические особенности слова, позволяет учесть все его смыслы и лексические значения, зафиксированные в словарях и существующие в текстах и речи.

Текстоцентрический подход. Многие мифемы были извлечены из текстов мифов, легенд, преданий, быличек, шаманских мистерий, культовой поэзии алтайцев и героических сказаний. При текстоцентрическом подходе культурные смыслы мифем, или мифоконцептов, выводятся из зафиксированных контекстов, т.е. описывается то, что дано в узусе. Семантика мифоконцепта также раскрывается в фольклорных текстах, а именно в мифологических мотивах и сюжетах. В связи с этим указываются основные устойчивые мотивы, сопутствующие тем или иным мифологическим персонажам, устойчивые характеристики описываемых реалий.

Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные, архивные и полевые материалы. Автору данного словаря удалось побывать в экспедициях в местах компактного проживания алтайцев (2020, 2021 гг.), теленгитов (2008, 2009, 2014, 2015 гг.), кумандинцев (2008 г.), чалканцев (2006, 2022 гг.), тубаларов (2022 г.) и зафиксировать некоторые образцы фольклора и мифологии.

Во время экспедиций были собраны материалы по несказочной прозе из разных диалектных групп алтайцев. Были обследованы все районы Горно-Алтайской автономной области (Республики Алтай), а также Солтонский и Красногорский районы Алтайского края, где проживают кумандинцы. Несмотря на это, существуют языковые различия, проявляющиеся в основном в системе фонетики и лексики диалектных групп, они имеют схожие фольклорные фонды, раскры-

вающие их ментальность, верования и мифологию. Фольклор южных диалектов алтайцев (алтай-кижи, теленгитов, телеутов) сохранился гораздо лучше, чем фольклор северных диалектов, что обусловлено интенсивными ассимилятивными процессами, происходившими с XIX в. по настоящее время среди чалканцев, кумандинцев, тубаларов. Многие мифологемы и понятия были извлечены из шаманских текстов, записанных в начале XX в. А.В. Анохиным и хранящихся в архивах Музея антропологии и этнографии РАН и Томского областного краеведческого музея. При составлении мифологического словаря были использованы полевые записи, сделанные в 1964 г. XX в. венгерским ученым В. Диосеги совместно с кумандинским исследователем-этнографом Ф.А. Сатлаевым, а также фольклорные материалы, собранные в 1984 г. этнографом Н.А. Алексеевым.

Одной из задач, поставленных в данном словаре, является фиксация диалектных вариантов мифем, а также по возможности описание сходств или различий, проявляющихся в мифологиях разных этнодиалектных групп алтайцев. В корпус словаря вошли в основном слова-мифемы, выявленные в фольклоре южных алтайцев (алтай-кижи, теленгитов и телеутов). К ним приводятся параллели из северных диалектов (кумандинского, чалканского и тубаларского). Наряду с диалектными различиями у этих групп алтайцев наблюдаются расхождения в их мифологической лексике, обусловленные неравномерной сохранностью и фиксацией их языческой мифологии. Диалектные черты наблюдаются не только в фонетических и лексических вариантах мифолексем, но и в сюжетах и мотивах, поэтому, безусловно, диалектный материал, не подвергшийся литературному влиянию и сохранивший свою самобытность, должен привлекаться для выяснения этнического своеобразия алтайских этносов. Существует мифемы (теонимы, демонимы, мифонимы и т.д.), характерные для большинства алтайцев, а также мифемы, характерные лишь для одной или двух этнодиалектных групп алтайцев. В языке и фольклоре северных алтайцев отсутствуют некоторые понятия, заимствованные из буддийской религии, например *быркан* 'дух, Будда' и *судур* 'сутра', 'книга гадания'. Типологическое сходство мифологем, мифологических понятий северных диалектных групп с южноалтайскими имеется в общем видении мира сквозь призму языческих представлений, концептов, мотивов; разница проявляется в конкретных мифемах, сюжетах, обрядовых ситуациях.

Словарно-центрический подход. Некоторые мифоконцепты сопровождаются фоновыми знаниями исторического и этнографического плана, которые, в сущности, и раскрывают их смысл. При составлении мифологического словаря мы опирались на опыт составления мифологических словарей других исследователей. Существуют словари и энциклопедии мифологий некоторых этносов Урала и Сибири: селькупов, манси, хантов, башкир, татар. При определении лексических значений мифем мы также использовали словари по алтайскому и другим тюркским языкам [10–19]. Культурная семантика любого имени не может быть постоянной, навсегда заданной, так как ее составляющие динамичны, поэтому анализ всегда сопровождался обращением к этимологическим словарям тюркских языков и «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [20–22].

Антропоцентрический подход. При представлении мифемы в определенном контексте как прагматической единицы, реализующей определенные функции, в качестве комментария могут быть приведены научные выводы других ученых, изучавших ее контекст в условиях бытования. Введение сведений энциклопедического характера вслед за толкованием лексического значения и понятийного содержания связано с его комментированием вполне логично, поскольку одно лишь толкование слова не всегда убедительно для читателя. Этнографический план обогащает, дополняет словарную информацию, так как с ним связана вся материальная и духовная культура носителей языка (или диалекта), о чем свидетельствуют труды ученых: Г.Н. Потанина, А.В. Анохина, Л.Э. Каруновской, Л.П. Потапова, В.П. Дьяковой, Ф.А. Сатлаева, Н.А. Алексеева, А.М. Сагалаева, Л.И. Шерстовой, Е.Е. Ямаевой, Н.В. Екеева, С.П. Тюхтеновой и др.

Концепция словаря

Критерии отбора мифолексем. В словарь вошли различные классы мифологически отмеченной лексики (около 681 единицы): мифонимы, демонимы, антропонимы, теонимы, топонимы, зоонимы, орнитонимы, фитонимы, космонимы, соматизмы, цветообозначения, числа, названия праздников, метеорологических и сакральных событий, значимых в хозяйственном, социальном и религиозном отношении; термины, обозначающие названия обрядов, праздников, названия обрядовой пищи, ритуальных предметов, основных ритуальных дей-

ствий. Основными критериями выделения мифолексем являлось следующее:

1) полное или частичное несоответствие мифологического сигнификата (понятийного содержания имени или знака) референту (объекту внеязыковой действительности);

2) мифологизм, или содержание в семантике слова свернутого мифа;

3) понятийное содержание, не ограничивающееся лексическим значением слова, и семантика мифоконцепта, раскрывающаяся его историко-этнографическими, образными, оценочными компонентами;

4) устойчивость и вариативность мифолексемы в мифологии и фольклоре данного этноса или ареала.

При классификации выявленных мифолексем учитывались признаки: частеречная принадлежность, словобразовательный состав и понятийное содержание.

По частеречной принадлежности мифемы представляют собой нарицательные и собственные имена существительные, прилагательные и глагольные словосочетания.

К *нарицательным именам*, имеющим мифологизированное содержание, относятся имена существительные: родовые названия божеств различных уровней (*кудай* ‘бог’, ‘богиня, божество’, *жайачы* ‘создатель’, *пуркан* ‘божество, светлый дух’); наименования духов высшего уровня (*пайана* ‘дух-охранитель’, *жайык* ‘дух-охранитель’); наименования духов низшего уровня (*алмыс*, *тургак*, *туйнек*, *кормёс*, *жеткер*, *аза*, *шулмус*, *jeeк*, *жутпа*, *желбис*, *бук*, *монус*, *шилемир*, *кёлчин* и др.); наименования духов и божеств стихий и природных объектов (*жер-ээзи* ‘дух-хозяин земли’, *суу-ээзи* ‘дух воды’, *туу-ээзи* ‘дух горы’ и др.); наименования, обозначающие человека, его деятельность и социальную принадлежность (*майман*, *алмат*, *кыпчак*), части тела и душу (*баш* ‘голова’, *кут* ‘душа’); наименования представителей животного и растительного мира (*айу* ‘медведь’, *агаш* ‘дерево’); наименования металлов и некоторых полезных ископаемых (*темир* ‘железо’, *кёмур* ‘уголь’, *jes* ‘медь’); наименования предметов быта и культуры, военного снаряжения, строений, одежды (*айыл* ‘юрта’, *jes ок* ‘медная стерла’, *арчуул* ‘платок’, *комус* ‘варган’).

К *собственным именам* относятся следующие имена существительные (онимы): имена божеств высшего уровня (*Уч-Курбустан*, *Улген*, *Алтай-Кудай*, и др.); имена божеств среднего уровня (*Жер-Суу*, *Талай-Каан*, *От-Эне*); имена божеств более низкого уровня (*Эрлик*,

Темир-Каан, Пий Маатыр и др.); имена демонических и мифических персонажей (*Желбеген* ‘Дьелбеген’, *Кёк Бука* ‘Синий Бык’, *Кёк Теке* ‘Синий Козёл’, *Кер Балык* ‘Гнедая Рыба’, *Суйла*); имена полубожественных персонажей человеческого происхождения (*Эдий*, *Тёрёнёй*, *Кам*, *Ной* и др.); имена мифологизированных названий местности (*Сюмер*, *Тургакту*, *Дьелбеен-Кайа*, *Алмысту-Боом*); имена мифотопонимов, не существующих в реальности (*Алтыгы ороон* ‘Нижний мир’, *Кызыл-Кёл*, *Тойбодым*).

К мифологизированным именам прилагательным относятся наименования цвета и числа (ак ‘белый’, *кара* ‘черный’, *үч* ‘три’, *жети* ‘семь’ и т.д.). Цветовое восприятие объектов материального мира – один из главных аспектов познавательной деятельности человека. Цветовые картины мира, входящие в концептуальные картины мира, у разных этносов различаются в силу различий их языков, религий, культур. Одинаковые (условно) цвета в различных культурах могут обозначать несовпадающие явления, соответственно, невозможно свести воедино исторически сложившиеся национальные системы цветовой символики.

К глаголам относятся мифемы, обозначающие различные ритуальные действия, содержащие религиозно-мифологический контекст, например, *Алтай такыыр* – ‘приносить жертву Алтаю/земле’, ‘совершать жертвоприношение Алтаю/земле’; *Алтай көдүрер* ‘возвышать, возносить Алтай’, *Алтай күндүлеер* ‘угощать Алтай’.

По словообразовательному составу мифемы словаря представляют собой однословные и двусоставные лексемы, например: *кыл көмүрү* ‘волосяной мост’ (без образного признака *кыл* ‘волосяной’ слово *көмүрү* ‘мост’ не представляло бы собой концепта). *Кыл көмүрү* ‘волосяной мост’ – это символический образ перехода через реку Тойбодым в Нижнем мире, по этому мосту на том свете праведники переходят в рай, а грешники попадают в адский огонь (ср. аналогичное понятие у многих тюркских мусульманских народов, например казах. *кыл көпір* ‘волосяной мост’). Двусоставными являются и глагольные словосочетания типа *мылтык кандаар* ‘обмазать ружье кровью’, в охотничьем лексиконе это понятие обозначает обряд, совершаемый охотником над новым ружьем перед охотой с целью обеспечения удачного промысла и возрождения животных. С началом охоты, осенью, как только подстреливали первую дичь, её кровью мазали дуло, ствол и приклад ружья. Если человек впервые кого-то подстрелил из нового ружья, он должен был произнести определенное заклинание.

По понятийному содержанию мифемы со своим объемом национально обусловленного значения представляют собой концепты, на основе которых разворачиваются целые тексты. Несмотря на то что мифологические концепты имеют чувственно-интеллектуальную природу, они продуцируют важные для этнической культуры ценностные смыслы, и в задачи словаря входило описание семантики мифоконцептов алтайского фольклора с их понятийными, историческими, образными и оценочными компонентами.

Спорным является вопрос отнесения имен собственных (как непосредственно онимов, имен собственных и топонимов) к концептам. В лингвистике нет однозначного ответа на вопрос, какова природа значения имени собственного. Решение этого вопроса почти всегда основывается на перечислении характеристик, отличающих имена собственные от нарицательных. Использование в речевом акте собственного имени, например теонима или топонима, предполагает обращение к энциклопедическим знаниям. Языковое и речевое значения имени собственного, а также его экстралингвистические характеристики образуют ономастический концепт как единицу «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [23. С. 4]. Как показал анализ семантики алтайских теонимов или мифотопонимов, большинство из них сформировалось на основе понятийного содержания онима, имени нарицательного, связанного с определенным мифологическим смыслом (имя мифологической горы *Језим* ‘Дъезим’ – букв. ‘Медный мой’, образовано от слова *јес* ‘медный’ и *-им* – аффикса принадлежности 1-го л. ед. ч.

Структура словарной статьи. В словарную статью входят следующие компоненты:

- I. Зона заглавного слова, или вокабула:
 - 1) заглавное слово в начальной форме с возможными фонетическими и диалектными вариантами;
 - 2) словарное лексическое значение и понятийный смысл.
- II. Зона толкования:
 - 3) культурно-мифологическое контекстное значение (им может являться мифологический мотив, характерный для фольклорной традиции и устойчиво раскрывающий семантику мифемы);

4) этимологическая, словообразовательная справка при необходимости;

5) историко-этнографическая справка при необходимости;

6) иллюстративный материал.

Для раскрытия семантики алтайских мифов в словарной статье после знака ромба (◊) приводятся устойчивые эпитеты, метафоры, паремии, характеризующие тот или иной мифологический образ.

III. Справочный аппарат:

8) ссылки на смежные статьи;

9) ссылки на используемую литературу и источники.

Заглавные слова представляют собой маркированные в народной культуре представления и образы, имена культурных концептов. За описываемыми лексическими единицами в содержательном плане стоят мифы, репрезентирующие этиологические, культовые, космогонические и космологические, теогонические, антропологические, астральные, календарные, этические, героические, тотемические, танатологические, эсхатологические представления этноса.

В толкование мифемы включаются такие параметры, как этимологический, культурологический, прагматический. Культурная семантика и функционирование наименования описываемой реалии иллюстрируются цитатами из текстов, а для подчеркивания специфики лексемы приводятся аналогии и образные эквиваленты из других лингвокультур. Для установления вариативности мифемы или ее лакунарности мы обращались к материалам тех народов, с которыми были культурные контакты у алтайцев в прошлом.

Этнолингвистический мифологический словарь алтайцев построен по семантическому (тематическому) принципу. Внутри тематического раздела мифемы располагаются в алфавитном порядке, что позволяет читателю быстро найти ту или иную мифему. Заглавное слово (название статьи) дается на алтайском языке, далее следует перевод на русский язык в марровских кавычках (‘’). Если необходимо указать буквальное значение, то за сокращением «букв.» приводится буквальное значение слова (например, **ЈЕР-СУУ** – ‘Йер-Суу’, букв. ‘земля-вода’).

Комментарии и пояснения в словаре даются на русском языке, а эквиваленты и цитаты – на алтайском языке с русским переводом. При толковании семантики мифов, не имеющих соответствующих русских эквивалентов, в круглых скобках приводится буквальное значение слова, внутренняя форма с целью показать их понятийные при-

знаки. В квадратных скобках в русском переводе дается слово, отсутствующее в алтайской фразе, необходимое для смысловой полноты в переводном эквиваленте.

Для толкования семантики и функций мифонимов приводится контекст употребления этих номинаций в текстах. На основе анализа контекстов употребления данной единицы определяются функции, выполняемые ею в культуре, сами контексты сопровождаются кратким комментарием (кем, кому, в каких обстоятельствах произносятся). Иллюстративный контекст слова представляет собой минимальный, но репрезентативный фрагмент, под которым понимается сочетание заглавного слова с достаточным для реализации смысла лексическим окружением. Иллюстрации в словаре четко представляют семантику слова и отражают его наиболее типичные синтагматические связи.

В словаре применяется система отсылок к другим словарным статьям (см. например, **ЖЕР-СУУ**). Национальная терминология и фразеология на языке источника в тексте выделены курсивом. Цитаты приводятся в кавычках на языке источника с переводом на русский язык в марровских кавычках. Для указания на источник заимствования слова используется знак «<» (например, < монг.).

В качестве примера приведем словарные статьи, для того чтобы проиллюстрировать все имеющиеся зоны толкования мифемы.

ЖЕЛБИС: 1) ‘дух-хозяин (ветра, горы, реки)’; 2) ‘злой дух, приходящий с ветром’. Наименование духов природы в мифологии алтайцев, которые могут быть вредоносными и не вредоносными. По мифологическим верованиям, некоторые духи болезней появлялись в виде ветра и поражали людей. Такое представление в прошлом отмечалось у телеутов Алтая. Однокоренными являются слова: общетюркское **jel* ‘ветер’ [ДТС, 1969, с. 254–255]. Согласно данным «Древнетюркского словаря», первая лексема имеет значения: *jel* I. ‘ветер’; *jel* II. ‘злой дух, демоническое существо’ [Там же, с. 254]. К лексеме *желбис* можно подобрать однокоренные слова *jel'pik* = ‘дух болезни’, *jel'pi* ‘обмахиваться’ [ДТС, 1969, с. 255], *желбеген* (*jäl'bägen*) ‘чудовище’ (< *jäl'bä* ‘fächeln’ (‘обмахивать’) < *jäl'bü* ‘обмахивать, веять’ < *jel* ‘Wind’ [Räsänen, 1969, с. 196]. Демонического духа *желбис* также можно сравнить с башкирским духом болезни – *йелтеу* (букв. ‘поветрие, дуновение, наваждение’), который приставал обычно на закате с дуновением теплого ветерка, дождем или ливнем.

В шаманских текстах *желбис* ‘ами зовут духов горы, реки, озера, которые передвигаются по воздуху, по ветру. Они выполняют как положительные, так и отрицательные функции. Как правило, они служат шаману

духами-помощниками: *Ару тўнгей ўч јелбис!* / *Олгон кижи (ползо) кирбейтен*. 'Все чистые три *дьелбиса!* / [В юрту,] где умерший, не входят' [Анохин, 1924, с. 70]; *Ару тўнгей Ўч Јелбис!* 'Чистые, равные три *јелбиса!*' [Там же, с. 66]. В эпосе рождением богатыря и его коня духами реки и горы подчеркивается физическая сила и мощь героев, их связь с духами-хозяевами природы: *Суу јелбистен ады бўткен, / Туу јелбистен бойы бўткен*. 'Его конь духом воды рожден, / Сам он духом горы рожден' [АГС. Очы-Бала, 1997, с. 92, 93]. Люди считали, что болезни приносит дурной ветер. Есть злые люди, колдуны, которые умеют пускать болезни и порчу по ветру. Чтобы предохранить маленьких детей от болезней, пущенных по ветру, ему делают оберег: небольшую раковину моллюска (*јыламаи*) привязывают на тесемку. У крещеных детей рядом с раковинами-каури вешали крест. Семиголового обитателя Нижнего мира в эпосе зовут Јелбис-Бодо 'Дьелбис-Бодо': *Јети айры башту / Јелбис-Бодо каан* / *Бу малды апарды, / Бу јонды айдады – деп, / Јенгези алтынга бичип салтыр*. [АБ. Ирбис-Буудай, 1972, с. 36]. 'С семью ответвленными головами / Дьелбис-Бодо-хан / Этот скот увел, этот народ погнал – говорит, / Сноха на золоте написала'.

Лит.: СИГТЯ, 2006, с. 580; ДТС, 1969, с. 254; 255; Räsänen, 1969, с. 196; Хисамитдинова, 2011, с. 181; Каруновская 1927, с. 32; Анохин, 1924, с. 66, 70; АГС. Очы-Бала, 1997, с. 92,93; АБ. Ирбис-Буудай, 1972, с. 36.

Важное значение имеет указание на диалектную принадлежность мифемы. Значимость мифем для тех или иных диалектов алтайского языка может быть различной из-за условий сохранности и бытования фольклора. Бывает так, что мифологические тексты, связанные с той или иной мифемой, не сохранились.

Структура словаря. Словарь состоит из вступительной статьи, в которой обосновывается методика лексикографического описания алтайских мифем (материал описания, принципы отбора и распределение мифем по тематическим группам, структура словарной статьи), словарных статей, расположенных по тематическим разделам, списка использованной литературы, словника и содержания словаря.

Содержание статей организовано по тематическому принципу, что позволяет наиболее полно отражать тот или иной фрагмент мифологической картины мира и изучать место отдельных языковых единиц в таксоне (группе лексем, объединенных по близости значения), их взаимосвязи внутри семантических полей и др.

Тематически словарные статьи разделены на пять разделов: I. «Мир божеств и духов»; II. «Мир природы»; III. «Мир человека»; IV. «Вещный мир»; V. «Признаки объекта», их подразделы содержат словарные статьи.

В алтайской традиционной культуре, восходящей к архаичной модели мира древних тюрков, мир делится по вертикали на три части: Верхний, Средний и Нижний миры. Все три мира соединяет мировое древо – *бай терек* ‘священный тополь’. Данное мифологическое деление мира на три сферы легло в основу раздела I «Мир божеств и духов», включающего подразделы: «Верхний мир» – «Божества и духи Верхнего мира»; «Нижний мир (ад)» – «Божества Нижнего мира, духи Нижнего мира»; «Средний мир» – «Божества и духи Среднего мира»; «Мировое древо». Пространство как религиозно-мифологический концепт актуализирует традиционные представления о перемещении души человека после его смерти. В мифологии алтайцев образы человеческой души связаны с представлениями о вертикальной структуре мироздания.

Верхний пантеон алтайцев отражает культ неба и представляет олицетворение космических и небесных явлений, что свойственно многим развитым мифологическим системам древности. Он состоит из наименований различных божеств, среди которых встречаются и заимствованные из других религий. Предметом деификации стали представления о высших силах, влияющих на жизнь общества и человека, что является универсальным в теонимическом коде языков. Большинство небесных божеств являются олицетворением неба, небесного свода и тех или иных атрибутов небесного пространства, атмосферно-метеорологических явлений. В составной части нескольких алтайско-телеутских теонимов содержится лексема *Тенере* ‘Небо’: *Тенере-Каан* ‘Небо-Хан’, *Тотой-Тенере* ‘Тотой-Тенгере’, *Абюш-Тенере* ‘Абдюш Тенгере’, *Кызыган-Тенере* ‘Кызыган-Тенгере’ (*Кызы-ган*), букв. ‘Раскаленное Небо’, *Энем Мерген Тенере* ‘Энем Мерген Тенгере’, букв. ‘Мать Меткое Небо’, *Адам Буркан Тенере* ‘Отец мой Дух Небо’. Небо ассоциировалось с громом, молнией, поэтому к нему почтительно обращались как к матери и отцу, используя эпитеты *Мерген* ‘Меткий Стрелок’, *Пырман* ‘Светлых дух’. К разряду грозовых и атмосферно-метеорологических божеств относится *Пырчу-Каан* ‘Пырчу-Хан’. Внутренняя форма теонима *Пырчу-Каан* ‘Пырчу-Хан’ (от *пырчу* ‘град’) – божества, насылающего на землю град, подтверждает, что оно появилось на основе олицетворения явления природы. К высшему пантеону алтайцев относятся древнетюркские теонимы *Тенгери* и *Умай*, а также заимствованные из средневекового персидского *Кудай* и *Курбустан*.

В пантеон, связанный со Средним миром, у алтайцев входят наименования божеств, олицетворяющих земных духов: это языческие персонафицированные духи стихий – земли, воды, огня, воздуха. По религиозно-мифологическим представлениям алтайцев, каждая гора, река или озеро имеют своего духа-хозяина – *ээзи* (*жердин ээзи* ‘дух земли’, *таг / туу ээзи* ‘дух горы’, *суу / суг ээзи* ‘дух реки, озёра’ и т.д.).

Наименования существ, обитающих в Нижнем мире, составляют демонимы: *алмыс*, *тургак*, *түўнек*, *көрмөс*, *жеткер*, *шулмус*, *jeeк*, *аза*, *јутпа*, *јелбис*, *бук*, *монус*, *шилемир*, *көлчин*. Разнообразие демонологических персонажей народной фантазии обусловлено различными факторами, одним из них является взаимовлияние культурных традиций разных этносов. Часто с принятием тех или иных догм мировых религий в фольклор и культуру народа переходили религиозно-мировоззренческие термины и понятия другого этноса.

Раздел II «Мир природы» состоит из подразделов: «Планеты и звезды»; «Природные явления»; «Металлы и минералы»; «Животные»; «Растения, природные объекты».

В подраздел «Планеты и звезды» входят наименования космических светил. Астральные мифы алтайцев содержат устойчивые архаические сюжеты и мотивы, присутствующие в мировой мифологии. Они включают в себя следующие устойчивые мотивы: «человек (чудовище) на луне», «семеро звездных братьев», «Плеяды и холод», «космическая охота». Мифы звездного неба отражают архаичные космогонические и антропогонические представления: древние люди представляли звезды, созвездия живыми людьми, поднявшимися в небо, о чем свидетельствуют мифы об охотнике Кёгютее, мифы о семи ханах, превратившихся в созвездие Большой Медведицы.

В подраздел «Природные явления» вошли статьи о мифологических представлениях алтайцев о дожде, громе, ветре, стихиях, огне, потопе: *јааш* ‘дождь’, *јанмыр* ‘ливень, дождь’, *йел* (*јел* – алт.) ‘ветер’, *көрнөй* ‘пожар, пламя’, *куйун* ‘вихрь’, *күкүрт* ‘гром’, *салкын* ‘ветер’, *солонгы* ‘радуга’, *чайык* ‘потоп’. По мифологии алтайцев, многие явления природы связаны с волей небесных божеств. Гром издает небесное божество *Кайракан* (*Тенгери*), которого алтайцы иногда образно называют *Күкүртчи* ‘Грозоносец’. Считается, что первый гром имеет магические свойства исцелять, изгонять всякую нечисть. Обряд почитания первого грома неосознанно воспроизводил мифологическую ситуацию отторжения жилища от зимнего хаоса, восстановления порядка.

В мифах алтайцев часто встречаются наименования металлов (*јес* ‘медь’, *темир* ‘железо’ и т.д.). Об обожествлении и почитании меди свидетельствуют мифопоэтические представления, сохранившиеся в языке шаманских текстов. Медь встречается в мифопоэтических описаниях: *јес тайга* ‘медная гора’, *јес кўрее* ‘медный трон’, *јес терек* ‘медный тополь’, а также в мифониме *Језим* ‘Дъезим’. Медь довольно высоко ценилась в древнем мире, поэтому естественно, что она могла выступать в качестве символа материального благополучия, хотя, конечно, и не в такой степени, как золото и серебро. *Алтын* ‘золото’ – драгоценный металл, символизирующий богатство, красоту, долговечность, соотносимые с представлениями о Верхнем мире, сфере божественного, с высшими ценностями и в то же время с Нижним миром.

В этиологических мифах о животных (мифы о наделении божеством определенных качеств), тесно связанных с идеей сотворения мира богом, объяснены повадки и необычный внешний облик животных, например: почему коростель горбатый, у филина глаза круглые и глубокие, у глухаря глаза красные, почему филин охотится ночью, а не днём, как птицы научились петь, почему у бурундука спина полосатая, почему у медведя нет пятого пальца и др. К международным мотивам относятся мифологические мотивы: «фрябчик был огромным»; «кукушке не дали воды», «у кукушки разные ноги», «почему кукушка перестала кормить своих птенцов». В мифах о животных алтайцев прослеживаются пережитки древних магических, тотемистических, анимистических и шаманских представлений этноса.

Дуалистическое мировосприятие легло в основу мифологемы деления растений на две категории: хорошие и плохие, белые и черные, светлые и темные. Так, в легенде о сотворении земли повествуется о том, как появились вечнозеленые деревья, кустарники и крыжовник. Божество бросило вечную душу (живую воду) на деревья – появились вечнозелёные деревья. Быркан-кудай (Бог) из Верхнего мира создал кедр, а Абы-быркан (дьявол) из Нижнего мира, подражая ему, создал ель. Абы-быркан создал колючки (жёлтые и красные), создал кёрмёса, а Верхний быркан – крыжовник. Верхний быркан создал коня, овцу, Абы-быркан – верблюда, корову [21. С. 410]. Особое место в культуре алтайцев принадлежит почитаемым культовым деревьям и кустарникам, используемым в обрядовой практике: можжевельнику, березе, жимолости, осине. Алтайцы признавали за деревьями способность дышать, думать, разговаривать, ходить друг к другу в гости, испыты-

вать боль, плакать, понимать язык людей, поэтому запрещается рубить деревья, особенно молодые.

В раздел III «Мир человека» включены подразделы: «Человек и его душа», «Части тела»; «Культурные герои»; «Социальные роли»; «Роды»; «Ритуальная деятельность человека»; «Культовые предметы»; «Пища». Народная антропология – часть мифологии этноса. Мифологические представления о человеке получили яркое воплощение в легендах о сотворении мира, в которых первый человек предстает слепленным из глины или других природных материалов. Человек телесный в мифологическом словаре отражает наивную анатомию, физиологию, чувственный мир человека. Статьи посвящены частям и органам тела, о которых сложились различные мифологические представления, характеристики, значимые в культуре и языке: *алакан* ‘ладонь’, *артык сёёк* ‘лишняя кость’, *баи* ‘голова’, *буур / нуур* ‘печень’, *јаак* ‘щека’, *ич* ‘нутро’, *кабак* ‘брови’, *кин* ‘пуп, пупок’, *кол* ‘рука’, *эргек* ‘большой палец’ и т.д. Существующие в языке и мифологии алтайцев различные наименования человеческой души связаны с представлениями о вертикальной структуре мироздания: душа, полученная у светлого божества Ульгена до рождения тела, называется *кут*, при жизни – *тын*, после смерти – *дбула* или *сюне*.

В подраздел «Культурные герои» включены имена богатырей и известных героев: Алтай-Буучай, Алып-Манаш, Очы-Бала, Кан-Алтын, Эр-Самыр и др. Наряду с ними выделяются герои из «библейских» мифов, например Ной, спасший человечество во время Всемирного потопа. В категорию культурных героев попадают персонажи, которые добывают или впервые создают для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учат их охотничьим приемам, ремеслам, искусствам, вводят определенную социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники. К культурному герою можно отнести героя многих топонимических мифов Сартакпая, который изменяет русла рек, строит мосты, а также некоторых эпических героев, например стрелка-охотника по имени Когюдей (Когюдей-Мерген, букв. ‘Когюдей-Меткий’), вознесшегося вслед за маралухами в небо, а также некоторых известных среди алтайцев эпических героев, являющихся защитниками простого народа и борющихся с различными чудовищами.

Небольшой подраздел «Социальные роли» составляют мифемы, обозначающие профессиональные и социальные занятия: *кам* ‘ша-

ман', *белгечи* 'гадальщик; гадающий с помощью палочки, к которой привязывается шерстяная верёвочка (*белге салар*)', *жарынчы* 'гадальщик по лопатке животного', *нама* 'лама', *каан* 'хан, правитель', *кӧсмӧкчи* – 'ясновидец, человек, имеющий способность видеть духов (*кӧрмӧс*)' и др.

В подраздел «Роды» вошли названия родов, появление которых мифологизировано или объясняется тотемистическими верованиями. Мифологизированными являются этнонимы *тӧлӧс*, *алмат*, *тодош*, *мундус*, *очи*, *каршит*, *майман*, *кыпчак* и некоторые другие. Идентификационными маркерами алтайских родов считаются: герой-первопредок, божества, почитаемая родовая гора, тотемное дерево, птица или зверь, тамга. Так, в некоторых мифах появление родов у алтайцев возводится к древности, мифическому времени Всемирного потопа. Считается, что первопредком тюркских родов – *майман*, *кыпчак*, *тодош* – был Ной [24. С. 132–133]. Каждый род почитает только свою гору, в частности, представители рода *чапты* устраивали обряд в честь божества горы Чаптыгана, представители рода *тодош* – в честь горы Бабырган и т.д.

В подразделе «Календарь и обряды» даны названия праздников и обрядов. Первым в календаре алтайцев считается праздник Чагаа, букв. монг. 'Белый', устраиваемый для встречи Нового года по восточному календарю и отмечаемый по лунному календарю в конце января или начале февраля. Праздник к алтайцам пришел через монголов (ойратов) в прошлом. Мифологические представления о времени заложены и в названиях календарных праздников и обрядов: *Жыл Бажы* 'Начало года', отмечаемое в весеннее равноденствие, полнолуние, приблизительно 20–21 марта, когда отмечается праздник встречи весны, т.е. Нового года; *Жылгайак* – календарный праздник, связанный с окончанием зимы, отмечаемый в первый день полнолуния в марте (*тулаан*). Осеннему равноденствию соответствуют по содержанию обряды, посвященные *Сары бӱр* 'Сары бюр', букв. 'жёлтая листва'. В пору зелёной листвы современные алтайцы проводят обряд поклонения земле, Алтаю – *Лажыл бӱр* 'Джажыл бюр', букв. 'зеленая листва'. В данный подраздел также включены статьи, посвященные представлениям о суточном и годовом времени (*кӱн* 'день', *тан* 'рассвет, утро', *тӱш* 'день', *тӱн* 'ночь', *эгир* 'вечер').

Наименования различных обрядов, имеющих мифологическую основу, описаны в подразделе «Ритуальные действия». Сюда вошли

глаголы и отглагольные имена, представляющие собой наименования обрядов и действий, имеющих глубокий символический смысл типа *ал-ка* ‘благословлять, произносить слова благословения в обряде, восхвалять, славословить’; *аш-курсаk куруйлаар* ‘освящать пищу’; *ат берер* ‘давать имя’; *бай тудар* ‘придерживаться запретов, соблюдать священное’; *жайык көдүрер* ‘поднимать, возвышать *Дьайык*’, а также символические ключевые слова, употребляемые во время различных обрядов, например *чөкк* ‘чёк’, букв. ‘кланяться’ – магическое слово, обращенное к божествам, духам-хозяевам с целью приглашения испробовать жертвенную пищу, напитки.

В подразделе «Культовые предметы» приводятся статьи, отражающие мифологические представления о предметах, используемых в ритуальной деятельности: шаманские атрибуты, культовые предметы, используемые алтайцами в ритуальной практике. Несколько статей посвящены наименованиям ПИЩИ, наделенным символическими и мифологическими значениями.

В разделе IV «Вещный мир» выделены подразделы: «Строения и предметы быта»; «Оружие»; «Одежда и украшения». Предметы быта и постройки также наделялись особыми культурными смыслами. Одним из таких является *айыл* – традиционное жилище алтайцев, конусообразная войлочная или деревянная юрта с покрытой лиственничной корой крышей, имеющая особую символику, отражающую мифологические представления алтайцев о пространстве и мироздании. Алтайская юрта представляет собой маленькую модель космоса, ее крыша соединяется с небом, а нижняя часть – с землей. Она ориентирована по сторонам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг и дымовое отверстие, делится на правую (мужскую) и левую (женскую) половины. *Чаки* ‘коновязь’ является символом продолжения рода, семьи. Семь зарубок на коновязи символизируют связи семи поколений. Повязанный на талии пояс *кур* ‘пояс’ (ср. *курчан* – ‘опоясываться’, *курчу* ‘защита, оберег’) имеет обережно-защитное значение и указывает на принадлежность человека к Среднему миру. По мифологическим представлениям алтайцев, небожители носят его под мышками, а обитатели подземного мира – на бедрах.

Под культурными предметами подразумеваются музыкальные инструменты, сакральные или религиозные книги (*алтын судур бичик* / *алтын-бичик* ‘золотая книга гаданий’, ‘золотая книга’, из которой узнают судьбу человека; *икил* ‘двухструнный смычковый музыкаль-

ный инструмент'; *комус* 'варган, комус'; *топишуур* 'топшур'). Согласно мифам, *икили* и *топишур* были созданы по подсказке духов-хозяев и божеств-*буркан*, которые очень любят музыку. Они подсказали людям, как изготавливать этот инструмент, научили играть на нем и исполнять сказания горловым пением – *кай*.

Последний раздел V «Признаки объекта» посвящен таким универсальным категориям языка, как цвет и число. Выявленные в традиционной мифологической картине мира алтайцев базовые цвета – *ак* 'белый', *кара* 'чёрный', *кызыл* 'красный', *сары* 'жёлтый', *күрен* 'коричневый', *көк* 'синий' и *яжыл* 'зелёный' – участвуют в концептуализации мифонимов, мифических образов, объектов ирреального (невидимого) мира на основе своих глубинных архетипических признаков, возникших в результате ассоциативно-метафорического переноса. В концептуализации понятий также задействованы четные и нечетные числа: *эки* 'два', *үч* 'три', *төрт* 'четыре', *беш* 'пять', *алты* 'шесть', *jeti* 'семь', *сегис* 'восемь', *тогуз* 'девять'. Для создания необычного облика мифического существа (животных, растений, чудовищ) используются четные числа с семантикой удвоенной множественности – четыре, шесть, восемь (*төрт көстү кой* 'четырёхглазая овца', *алты көстү карагыс* 'шестиглазая черная девушка', *сегис көстү ийт* 'восьмиглазая собака'). Признак тройственности характерен для мифонимов, относящихся к Верхнему миру (божество Ыч-Курбустан, букв. 'Три Курбустана', созвездие Ыч *Мыйгак* 'Орион', букв. 'Три Маралухи'). Число *jeti* 'семь' является признаком различных мифологических образов, связанных с представлениями о пространстве (божественной иерархии в пространстве) и времени: семь слоев земли, семь дверей в подземном мире, семь дверей в Верхнем мире, семь дверей в Среднем мире, семь сыновей у светлого божества, семь сыновей и дочерей у темного божества, семь звезд у созвездия Большой Медведицы (Јети-Каан), семь божеств Алтая, семь духов-помощников у шамана, семь духов земли и т.д.

Заключение

Таким образом, предпринятое нами лексикографическое описание мифологической лексики алтайцев как составной части мифологии этноса имеет важное культурологическое значение для понимания традиционной культуры алтайцев, их ментальности. Концепция сло-

варя, учет многих признаков мифолексем, применение различных подходов при описании мифоконцептов и их многосторонний анализ позволяют максимально точно отобразить мифологию реалий алтайской фольклорно-языковой картины мира. Двухязычный характер толкового мифологического словаря дает возможность ознакомиться с мифологическими понятиями, представлениями алтайцев, уходящими вглубь их древних языческих верований и шаманизма. Он может быть востребован не только в изучении мифологии и верований алтайцев, но и широким кругом читателей, интересующихся традиционной культурой тюркских и других народов Сибири.

Список источников

1. *Разина А.С.* Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 50–67.
2. *Гак В.Г.* Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. М. : Наука, 1988. С. 119–125.
3. *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М. : Типография ИПТК «Логос», 2000. 208 с.
4. *Осипова К.В.* Этнолингвистические словари и перспективы этнолингвистической лексикографии // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 156–167.
5. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // Славянская этнолингвистика: вопросы теории : материалы ко Второму Всерос. совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 83–97.
6. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Принципы составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984. С. 6–22.
7. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М. : Наука, 1981. 144 с.
8. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 456 с.
9. *Генералова Е.В.* Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 7–21.
10. *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и алагадского наречий тюркского языка. Издание Православного миссионерского общества. (Казань, 1884). 2-е изд. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 504 с.
11. *Баскаков Н.А., Тошакоева Т.М.* Ойротско-русский словарь. 2-е изд. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 316 с.
12. Алтайско-русский словарь / отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

13. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, перевод, словарь. М. : Глав. ред. восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1985. 231 с.
14. Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. М. : Глав. ред. восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1972. 279 с.
15. Кумандинско-русский словарь. 10 000 слов / сост. Л.М. Тукмачев, М.Б. Петрушова, Е.И. Тукмачева. Бийск : Бийский котельщик, 1995. 150 с.
16. Русско-кумандинский словарь / сост. М.Б. Петрушова, В.М. Данилов ; ред. Н.А. Дьяйым. Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2021. 504 с.
17. Русско-тубаларский словарь / сост. А.С. Кучукова ; ред. С.Б. Сарбашева. Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. 384 с.
18. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь : в 2 кн. Около 40 000 слов. Фрунзе : Глав. ред. киргиз. совет. энцикл., 1985. 503 с.
19. Казахско-русский словарь / под ред. чл.-корр. НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. Алматы : Дайк-пресс, 2002. 1008 с.
20. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969.
21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М. : Наука, 2006. 908 с.
22. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki : SUOMALAIS-UGRILAINEN SEURA, 1969. 533 s.
23. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка : сб. статей. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 251 с.
24. Несказочная проза алтайцев / сост. Н.Р. Ойноткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск : Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30).

References

1. Razina, A.S. (2018) Ethnolinguistic, Ethnodialectal and Linguacultural Dictionaries as a New Stage of Lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 50–67. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/3
2. Gak, V.G. (1988) Problema sozdaniya universal'nogo slovary (entsiklopedicheskiy, kul'turno-istoricheskiy i etnolingvisticheskiy aspekty) [The problem of creating a universal dictionary (encyclopedic, cultural-historical and ethnolinguistic aspects)]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare: sb. st.* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 119–125.
3. Plotnikova, A.A. (2000) *Slovari i narodnaya kul'tura: Ocherki slavyanskoj leksikografii* [Dictionaries and folk culture: Essays on Slavic lexicography]. Moscow: Tipografiya IPTK “Logos”.
4. Osipova, K.V. (2021) Etnolingvisticheskie slovari i perspektivy etnolingvisticheskoy leksikografii [Ethnolinguistic dictionaries and prospects of ethnolinguistic lexicography]. *Filologicheskij klass*. 26 (4). pp. 156–167.

5. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013) [On the Slavic Antiquities dictionary]. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: Issues of theory]. Materials for the Second All-Russian. meeting of Slavists on 5–6 November 2013. Moscow: In-t slavyanovedeniya RAN. pp. 83–97.
6. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (1984) Printsipy sostavleniya etnolingvisticheskogo slovarya slavyanskikh drevnostey [Principles of compiling an ethnolinguistic dictionary of Slavic antiquities]. In: Tolstoy, N.I. et al. (eds) *Etnolingvisticheskiy slovar' slavyanskikh drevnostey: Proekt slovnika. Predvaritel'nye materialy* [Ethnolinguistic dictionary of Slavic antiquities: A project of the glossary. Preliminary materials]. Moscow: [s.n.]. pp. 6–22.
7. Akhmet'yanov, R.G. (1981) *Obshchaya leksika dukhovnoy kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow: Nauka
8. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka.
9. Generalova, E.V. (2018) Russian Historical Lexicography: Word-Centered and Text-Centered Approaches. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/1
10. Verbitskiy, V.I. (2005) *Slovar' altayskogo i alagadskogo narechiy tyurkskogo yazyka. Izdanie Pravoslavnogo missiionerskogo obshchestva. (Kazan', 1884)* [Dictionary of the Altai and Alagad dialects of the Turkic language. Publication of the Orthodox Missionary Society. (Kazan, 1884)]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
11. Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. (2005) *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirot-Russian dictionary]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
12. Chumakaev, A.E. (ed.) (2018) *Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: [s.n.].
13. Baskakov, N.A. (1985) *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov* [Northern dialects of the Altai (Oirot) language: the dialect of the Lebedinsky Tatars-Chalkans (Kuu-Kizhi): grammar essay, texts, translations of, words]. Moscow: Glav. red. vostochn. lit-ry izd-va "Nauka".
14. Baskakov, N.A. (1972) *Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov* [Dialect of the Kumandins (Kumandins-Kizhis): grammar essay, texts, translations of, words]. Moscow: Glav. red. vostochn. lit-ry izd-va "Nauka".
15. Tukmachev, L.M., Petrushova, M.B. & Tukmacheva, E.I. (1995) *Kumandinsko-russkiy slovar'. 10000 slov* [Kumandin-Russian dictionary. 10,000 words]. Biysk: Biyskiy kotel'shchik.
16. D'ayym, N.A. (ed.) (2021) *Russko-kumandinskiy slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. Gorno-Altaysk: AU RA Literaturno-izdatel'skiy Dom "Altyn-Tuu".
17. Sarbasheva, S.B. (ed.) (2019) *Russko-tubalarskiy slovar'* [Russian-Tubalar dictionary]. Gorno-Altaysk: AU RA Literaturno-izdatel'skiy Dom "Altyn-Tuu".
18. Yudakhin, K.K. (1985) *Kirgizsko-russkiy slovar': v 2 kn. Okolo 40 000 slov* [Kyrgyz-Russian Dictionary: in 2 books. About 40,000 words]. Frunze: Glav. red. kirgiz. sovet. entsikl.

19. Syzdykova, R.G. & Khusain, K.Sh. (eds) (2002) *Kazakhsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty: Dayk-press.
20. Nadelyaev, V.M. et al. (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka.
21. Tenishev, E.R. & Dybo, A.V. (eds) (2006) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. The Proto-Turkic basis language. The picture of the world of the proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow: Nauka.
22. Räsänen, M. (1969) *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: SUOMALAIS-UGRILAINEN SEURA.
23. Boldyrev, N.N. (2016) *Kognitivnaya priroda yazyka: sb. statey* [Cognitive nature of language: Articles]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
24. Oynotkinova, N.R. et al. (2011) *Neskazohnaya proza altaytsev* [Non-fairy tale prose of the Altaians]. Novosibirsk: Nauka.

Сведения об авторе:

Ойноткинова Надежда Романовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири ФБГУН Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).
E-mail: sibfolklore@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nadezhda R. Oynotkinova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sibfolklore@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2022; принята к публикации 02.12.2022.
The article was submitted 31.03.2022; accepted for publication 02.12.2022.*

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/22274200/26/4

Разработка словарной статьи текстовой скрепы «прежде всего» для «Словаря служебных слов русского языка»

Павел Михайлович Тюрин¹

*¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
tyurin.pm@dyfu.ru*

Аннотация. Представлена разработка словарной статьи текстовой скрепы «прежде всего» для «Словаря служебных слов русского языка». В качестве основы проведённого лексикографического описания использован предложенный А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой подход к описанию текстовых скреп. Продемонстрировано, что данные единицы могут быть описаны в «Словаре служебных слов русского языка» с точки зрения семантики, варьирования функций, интонационного и пунктуационного оформления, взаимодействия с другими служебными словами и ряда других.

Ключевые слова: словарная статья, словарь служебных слов, текстовая скрепа, лексикографическое описание, служебные слова

Для цитирования: Тюрин П.М. Разработка словарной статьи текстовой скрепы «прежде всего» для «Словаря служебных слов русского языка» // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 78–95. doi: 10.17223/22274200/26/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/4

Development of a dictionary entry of the text connector “first of all” for the *Dictionary of Function Words of the Russian Language*

Pavel M. Tiurin¹

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, tyurin.pm@dvfu.ru

Abstract. The article presents a dictionary entry of the text connector “first of all” (Rus. *prezhde vsego*) prepared in accordance with the model of lexicographic description for the *Dictionary of Function Words of the Russian Language*. The model was proposed by A.F. Priyatkina and E.A. Starodumova. Their works, as well as studies by the staff of the Department of Russian Language and Literature of the Far Eastern Federal University on the description of functional words and their presentation in the *Dictionary of Function Words of the Russian Language*, were the theoretical basis of this study. The following research methods are used in the article: observation; description, including generalization and systematization of linguistic phenomena; and contextual analysis. Examples from the Russian National Corpus and examples collected from modern texts of various functional styles and genres are used as illustrative material. When preparing a dictionary entry, the author has found that the fixed expression “first of all” can function not only at the level of the text, but also at the level of the utterance. The description of the non-textual possibilities of this fixed expression should be the subject of a special research. The text connector “first of all” has the meaning “prior the rest”, “before the rest”, “what comes first from a multitude”, which allows it to be used in three functional variants: (1) the selection of one or several elements that meet certain requirements that are the most important; (2) the designation of the most important condition for further development/impossibility of development of the situation, the possibility/impossibility of the development of events; and (3) the designation of the main argument refuting what is said in the left context of the connector. The location of the connector in the utterance and punctuation design can vary. The fixed phrase “first of all” has been described in several dictionaries, but its description there is not complete. In this regard, a lexicographic description of the phrase was carried out according to the following parameters: types of use, homonymy, morphological structure, meaning (interpretation), functional and semantic variants, scope, functioning as a connector, functioning within the framework of one utterance and types of constructions, intonation, punctuation, location, interaction with other connectors, interaction with other function words, functions other than text connection, units similar in function

and semantics, stylistic label, dictionary data, illustrations. The study shows that the text connector “first of all” can be described in the *Dictionary of Function Words of the Russian Language* in terms of semantics, variation of functions, intonation and punctuation design, interaction with other function words, and others.

Keywords: dictionary entry, dictionary of function words, text connector, lexicographic description, function words

For citation: Tiurin, P.M. (2022) Development of a dictionary entry of the text connector “first of all” for the *Dictionary of Function Words of the Russian Language*. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 78–95. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/4

Описание служебных слов современного русского языка является одним из актуальных направлений современной русистики, так как данные языковые единицы долгое время не являлись объектом пристального внимания лингвистов, а список единиц, способных выполнять служебные функции, в настоящее время пополняется за счёт так называемых слов-гибридов, фразеологизированных сочетаний (термин «фразеологизированное сочетание» применительно к подобным единицам мы используем, например, вслед за Н.Ю. Пилюгиной [1]), дискурсивных слов (данный термин для обозначения многокомпонентных лексических единиц можно встретить в работе А. Мустайоки и М. Копотева [2. С. 88–107] и «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» [3]) и др. Отметим при этом, что пока не решены даже проблемы терминологического характера, о чём свидетельствует многочисленность терминов для обозначения рассматриваемого феномена и их неполное соответствие сущности этого феномена, так как понятия «фразеологизированное сочетание», «дискурсивное сочетание» и ряд других шире понятия «текстовые скрепы».

Работа по так называемому портретированию служебных слов русского языка является ключевым направлением научной деятельности кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (ранее – кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета), и одним из наиболее значимых результатов этой работы в практической плоскости стало издание в 2001 г. «Словаря служебных слов русского языка» [4]. В настоящее время коллектив под руководством Е.А. Стародумовой и Е.С. Шереметьевой продолжает работу по разноаспектному изучению и лексикографическому описанию служебных слов со-

временного русского языка. В рамках этого направления деятельности в 2017 г. была издана коллективная монография «Служебные слова в лексикографическом аспекте» [5], а в настоящее время ведётся подготовка к публикации новой коллективной монографии, посвящённой лексикографическому описанию служебных слов. Результатом этой работы должно стать издание второго выпуска «Словаря служебных слов русского языка», в который войдут статьи, посвящённые не только союзам, частицам и словам-гибридам (эти единицы были представлены в издании 2001 г. [4]), но и текстовым скрепам – особым единицам, эксплицирующим определённые отношения между частями текста, высказываниями [6]. Ранее уже были разработаны и описаны в публикации А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой основные принципы составления словарных статей данных единиц [7]. В данной статье представлен результат практического применения указанной выше концепции лексикографического описания текстовых скреп на примере скрепы «прежде всего».

Текстовые скрепы и единицы, близкие им по функциям, уже неоднократно попадали в поле зрения лингвистов (см., например, работы А.Ф. Прияткиной, Е.А. Стародумовой, Г.Н. Сергеевой, Е.А. Шнырик, Г.М. Крыловой, Е.В. Откидыч [5]), однако их количество очень велико и многие из них ещё не становились объектами разноаспектных глубоких описаний. Фразеологизированное сочетание «прежде всего» полифункционально, может использоваться как на уровне высказывания, так и на уровне текста [8. С. 151–152] и является весьма распространённым в современной речи, о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка – 43 533 примера на 15 915 документов, относящихся к разным функциональным стилям и жанрам. При этом употребления в качестве текстовой скрепы составляют около 10% от данного количества. В целом же в ходе исследования функционирования «прежде всего» в качестве текстовой скрепы было проанализировано 300 таких употреблений, извлечённых методом сплошной выборки из текстов различных функциональных стилей и жанров, в том числе 110 примеров из Национального корпуса русского языка.

Возможность «прежде всего» функционировать в качестве текстовой скрепы связана с его семантикой, которая базируется на трансформировавшемся значении исходных компонентов: слово «прежде» определяется как наречие со значениями «раньше этого времени, в прошлом» и «раньше чего-нибудь другого, сначала» [9. С. 582], а вто-

рой компонент, слово «весь» имеет значения «полный, без изъятия, целиком» и «то, что имеется, есть, наличное» [9. С. 77]. Исходя из этого, значение текстовой скрепы можно охарактеризовать как «раньше остального», «до остального», «то, что идёт первым из множества».

Эта семантика позволяет текстовой скрепе «прежде всего» (отметим, что функция текстовой скрепы не является единственной для данной единицы) использоваться в трёх функциональных вариантах: 1) выделение из множества соответствующих определённым требованиям элементов одного или нескольких, являющихся самыми важными (202 примера из 300 проанализированных); 2) обозначение самого важного условия для дальнейшего развёртывания/невозможности развёртывания ситуации, возможности/невозможности развития событий (90 примеров из 300 проанализированных); 3) обозначение главного аргумента, опровергающего то, о чём говорится в левом контексте скрепы (8 примеров из 300 проанализированных). Каждый из перечисленных функциональных вариантов предполагает формирование определённых синтаксических отношений, но при этом выделенные функции могут реализовываться благодаря достаточно широкому кругу языковых показателей. Так, близкие к пояснительным отношения, характерные для первой функции, обычно формируются за счёт понятий, между которыми существуют отношения «общее – частное» в левом и правом контексте соответственно: *Нарушения есть всегда. Данные о них мы получаем и из Новосибирска, и из Томска, и из Иркутска. **Прежде всего**, это недопуск наблюдателей и членов с правом совещательного голоса на участки и отсутствие избирателей в списках* (интернет-СМИ). Здесь общее понятие в левом контексте – «нарушения», а частные в правом – «недопуск избирателей» и «отсутствие избирателей». Кроме того, можно заметить, что при наличии формы множественного числа в левом контексте в правом видовые понятия будут либо включены в однородный ряд, либо охарактеризованы в разных высказываниях, но в любом случае таких понятий будет два и более (см. типы употреблений ниже).

Вторая функция, предполагающая близкие к причинным отношения между левым и правым контекстами, обычно связана с наличием в правом контексте объяснения того, о чём говорится в левом контексте. Например, в контексте *Необходимо отметить, что культурные концепты – явление неоднородное. **Прежде всего**, они различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества*

(Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс) во втором предложении объясняется, почему культурные концепты являются неоднородным явлением.

Третья функция, предполагающая между левым и правым контекстом отношения, близкие к противительным, чётких языковых показателей практически не имеет. К ним можно отнести лишь лексические повторы, которые используются для выстраивания аргументов «от противного». В связи с этим можно признать, что данная функция выявляется только на основе сопоставления общего смысла левого и правого контекстов.

Все перечисленные выше показатели в комплексе формируют определённые отношения между левым и правым контекстами. Лексико-грамматические особенности этих показателей в контексте поддерживаются семантикой текстовой скрепы «прежде всего», что и является основой формирования внутритекстовой связности.

Стоит отметить, что на функциональные возможности «прежде всего», очевидно, повлиял омонимичный наречный оборот, который достаточно часто встречается в современной речи: *Преференции при госзакупках **прежде всего** должны распространяться на продукцию машиностроения* (СМИ). Здесь «прежде всего» синонимично наречию «сначала», и его функционированию в качестве наречия соответствует интонационное и пунктуационное оформление (отсутствие пауз и знаков препинания соответственно) и выполнение синтаксической функции обстоятельства.

Лексикографическое описание текстовых скреп предполагает выделение в словарной статье трёх основных частей: общие сведения, значение и синтаксис, прочие сведения. В первую часть включаются такие параметры, как вокабула (графическое представление единицы и транскрипция), типы употребления (примеры разных употреблений текстовой скрепы) и омонимия (указываются лексические или грамматические омонимы) и морфологическая структура (необходимость введения этого параметра обусловлена структурным разнообразием текстовых скреп: от одного слова (элемента) до устойчивых и относительно свободных сочетаний). Во второй, главной, части описываются значение и функции скрепы [7. С. 135–137].

Специфика текстовых скреп обуславливает, по мнению А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой, необходимость включения в словарную статью ещё нескольких параметров: сфера действия (учитываются

ся границы левого и правого контекстов), возможность функционирования в рамках одного высказывания с указанием типов оформляемых конструкций (отмечаются употребления описываемых единиц в высказывании без текстовой функции, например в простом предложении), формат скрепы-фразы (возможное для многих скреп употребление в качестве самостоятельного высказывания), интонация, пунктуация, местоположение (расположение в абсолютном начале текста, между левым и правым контекстом, смещение внутрь правого контекста и т.д.), взаимодействие с другими скрепами (отмечаются случаи, когда скрепы «работают в паре», «многоместные» скрепы и др.), взаимодействие с другими служебными словами (отмечаются случаи, когда скрепа функционирует в сочетании с союзами), другие функции, кроме текстовой связи (например, метатекстовый оператор, в роли которого может выступать слово «итак»), единицы, близкие по функции и семантике (приводятся единицы, синонимичные или функционально близкие), стилистическая маркированность, а также библиография (приводятся данные словарей из других лингвистических источников) [7. С. 135–137]. Кроме того, в словарную статью текстовой скрепы было решено включить параметр «иллюстрации», где приводятся примеры употребления всех перечисленных в словарной статье функционально-семантических вариантов текстовой скрепы, а расположение примеров, в которых использован тот или иной вариант скрепы, в данном параметре полностью соответствует расположению в параметре «типы употребления». С учётом того что текстовая скрепа «прежде всего» может выполнять три обозначенные выше функции, примеры употреблений в параметрах «Типы употреблений» и «Иллюстрации» приводятся в трёх пунктах, соответствующих этим функциям. Внутри пунктов могут выделяться подпункты, обозначенные знаком «◆», что соответствует особенностям контекстов, которые оформляет скрепа (например, возможность соединять высказывания в пределах одного или разных абзацев, располагаться в абсолютном начале предложения или смещаться вглубь, функционировать в формате скрепы-фразы).

С учётом возможностей использования «прежде всего» в качестве текстовой скрепы и обозначенных выше параметров описания текстовых скреп в «Словаре служебных слов русского языка» была разработана словарная статья данной служебной единицы.

Прежде всего [пр'эжд'ь фс'и³в⁰о].

Типы употребления.

1. • Рассчитываем, что Директорат станет важным инструментом эффективной поддержки КТК по выполнению задач, определяемых Советом Безопасности. **Прежде всего**, речь идёт о тесной увязке двух ключевых направлений деятельности КТК на новом этапе: повышение эффективности системы оказания технического содействия и укрепление сотрудничества с международными региональными организациями (Интервью и.о. постоянного представителя РФ при ООН Александра Конузина о председательстве РФ в Контртеррористическом комитете Совета Безопасности <НКРЯ>).

• Нарушения есть всегда. Данные о них мы получаем и из Новосибирска, и из Томска, и из Иркутска. **Прежде всего**, это недопуск наблюдателей и членов с правом совещательного голоса на участки и отсутствие избирателей в списках (интернет-СМИ).

• Этот его тезис порождает много вопросов.

Прежде всего: в какой степени модель высказывания о чувствах можно переносить на высказывания, которые с чувствами ничего общего не имеют? Если говорить о социальных науках: каковы размеры территории «эмотива», где ее границы? (Навигация чувств // «Индикатор»).

• В самом факте упоминания этого словосочетания – «Америка прежде всего» – много символического. Трудно понять, **прежде всего**, как Трамп мог решиться на такое? (Борис Межуев. «Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»).

• Известные жители Северной столицы рассказали, чего они ждут от нового президента России. Чтобы Россия была крепкой оборонной страной, **прежде всего** (интернет-СМИ).

2. • Необходимо отметить, что культурные концепты – явление неоднородное. **Прежде всего**, они различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества (Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс).

Иногда эту реформу слишком прямо привязывают к вступлению России в ВТО. Такая связь, конечно, есть, но лишь отчасти. **Прежде всего**, реформа необходима самой России (Павел Иванов. Ключ к правовой экономике. Популярные хроники непопулярного закона <НКРЯ>).

3. Многие спросят: «А как же честь страны?» **Прежде всего**, честь страны выражается в здоровье, благосостоянии и человечности народа, населяющего эту страну, и Олимпиада в её нынешнем

виде, как и весь профессиональный спорт, препятствует и первому, и второму, и третьему. А кроме того, рассуждать о чести страны, глядя на спортсменов, выступающих под нейтральным флагом, мягко говоря, не приходится (интернет-СМИ).

Омонимия: различаются омонимичные употребления с наречным оборотом (имеют соответствующие интонационные и пунктуационные отличия).

Морфологическая структура: двухэлементная (состоит из наречия и стоящего в форме родительного падежа прилагательного местоимённой семантики), с контактным расположением элементов.

Значение (толкование): «раньше остального», «до остального», «то, что идёт первым из множества».

Функционально-семантические варианты.

1. Выделение из множества соответствующих определённым требованиям элементов одного или нескольких, являющихся самыми важными. В этом случае множество названо в левом контексте скрепы, а конкретные элементы перечислены в правом. Элемент (элементы), упомянутый в правом контексте первым, будет являться самым важным. Остальные компоненты могут не упоминаться вообще. Между левым и правым контекстами формируются отношения, близкие к пояснительным.

*Когда растут цены на продукты питания и услуги, жители начинают сокращать расходы. **Прежде всего**, люди меньше тратят на одежду, обувь, продовольствие и напитки, парикмахерские, и только после этого начинают сокращать расходы на автомобили, показал опрос, проведенный по заказу DELFI компанией Spinter tyrimai. Экономисты утверждают, что сократить расходы на автомобиль не так просто, если хочешь продолжать ездить* (интернет-СМИ).

2. Обозначение самого важного условия для дальнейшего развёртывания/невозможности развёртывания ситуации, возможности/невозможности развития событий. Между левым и правым контекстами формируются отношения, близкие к причинным.

*Правда, при этом он отмечает, что данная технология ещё далека от практического применения. **Прежде всего**, нужно показать, что она рентабельна и может быть реализована в крупном масштабе* (Идеи, изменяющие мир).

3. Обозначение главного аргумента, опровергающего то, о чём говорится в левом контексте скрепы. Между левым и правым контекстами формируются отношения, близкие к противительным.

Многие спросят: «А как же честь страны?» **Прежде всего**, честь страны выражается в здоровье, благосостоянии и человечности народа, населяющего эту страну, и Олимпиада в её нынешнем виде, как и весь профессиональный спорт, препятствует и первому, и второму, и третьему. А кроме того, рассуждать о чести страны, глядя на спортсменов, выступающих под нейтральным флагом, мягко говоря, не приходится (интернет-СМИ).

Сфера действия: левый контекст, как правило, содержит одно, реже – два предложения, правый контекст, как правило, содержит одно-два предложения и ограничен абзацем. Прослеживается определённая связь с реализацией третьего функционально-семантического варианта: в этом случае левый контекст скрепы обычно составляет одно предложение. Реализация остальных функционально-семантических вариантов чётко не связана с определённой сферой действия.

- Новизна и оригинальность лурьевской нейропсихологии, отличающие её от других нейропсихологических школ, состоят в следующем.

1. **Прежде всего** – это непосредственная связь лурьевской нейропсихологии с общепсихологическими идеями Л.С. Выготского и его школы. Это идеи о культурно-историческом генезисе, опосредованности, системности и иерархическом строении всех психических процессов, и прежде всего высших психических функций, или «психологических систем» (где инвариантна лишь задача, а способы ее достижения вариативны). Единицей анализа психики и ее нарушений, согласно взглядам А.Р. Лурия и его учеников, являются именно высшие психические функции... (Хомская Е.Д. Нейропсихология).

- Одно время я думал, что А-Янус и У-Янус – это дубль и оригинал. Однако это было совсем не так. **Прежде всего**, оба директора имели паспорта, дипломы, пропуска и другие необходимые документы. Самые же сложные дубли не могли иметь никаких удостоверений личности (Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу).

Функционирование в качестве скрепы-фразы: возможно.

Это была надежда на то, чтобы с помощью «эмоции» создать «речь (parole) на фоне языка (langue)», а с помощью «эмотива» создать нечто лучшее, чем «дискурс» Фуко, чем критика Деррида в адрес «присутствия» и чем теория коммуникативного разума Хабермаса: все они, как считал Редди, не оставляют возможности для политического сопротивления. Этот его тезис порождает много вопросов.

Прежде всего: в какой степени модель высказывания о чувствах можно переносить на высказывания, которые с чувствами ничего общего не имеют? (интернет-СМИ).

Функционирование в рамках одного высказывания; типы конструкций.

1. Участвует в построении конструкции типа «ряд», последний член которого является выделительным или пояснительным. При этом наблюдается пунктуационное варьирование (иногда «прежде всего» может обособляться).

- С книжной «линией» соотносима первая треть XIX века, **прежде всего**, 1810-е годы (Завгородняя Г.Ю. Стилизация в русской прозе XIX – начала XX века).

- Кроме керамики, изучали и другие предметы, **прежде всего** монеты и клады, состоявшие из них (и вообще ценных для наших предков предметов) (Москва. Наука и культура в зеркале веков. Все тайны столицы).

- В нашем научном сообществе, **прежде всего**, среди представителей естественных наук до сих пор существует вопрос, что такое теология (интернет-СМИ).

2. При подлежащем и сказуемом, выраженными существительными, может формировать подобие вторичной союзной связи при сказуемом.

Но округ – это, **прежде всего**, люди, которые здесь живут (интернет-СМИ).

Интонация: выделяется паузой (паузами внутри высказывания).

Пунктуация: в начале высказывания чаще всего отделяется запятой, в середине высказывания выделяется запятыми; возможна постановка тире и двоеточия после скрепы.

- Однако стратегическое развёртывание, особенно перегруппировка и развёртывание войск, будут осуществляться во многом по-новому. **Прежде всего**, возросла аэромобильность войск, появились более совершенные морские, авиационные средства их транспортировки, возросли скорости переброски войск, возможности её более скрытого осуществления (Махмут Гареев. О характере и облике вооруженной борьбы будущего <НКРЯ>).

- Заслуга А.М. Пеиковского не только в том, что он подошёл к обособлению как к самостоятельному явлению в синтаксисе простого предложения. А.М. Пеиковский подробно описал так называемые условия обособления, которые и сейчас приводятся в учебной литературе, в том числе в школьных учебниках.

Прежде всего он выделил общие условия обособления, т.е. условия, обнаруживаемые при обособлении различных второстепенных членов (Акимов Г.Н., Вяткина С.В., Казаков В.П., Руднев Д.В. Синтаксис современного русского языка).

- Ни Португалия, ни Голландия не смогли в отборочном турнире обыграть эту команду хотя бы единожды. **Прежде всего** – благодаря добротной сработанной обороне во главе с Шэем Гивеном, который к своим 26 стал едва ли не самым классным вратарём премьер-лиги (Дмитрий Навоша. Кина не будет. Будет Кан. Представление участников чемпионата мира. Группа «Е» <НКРЯ>).

- Это была надежда на то, чтобы с помощью «эмоции» создать «речь (parole) на фоне языка (langue)», а с помощью «эмотива» создать нечто лучшее, чем «дискурс» Фуко, чем критика Деррида в адрес «присутствия» и чем теория коммуникативного разума Хабермаса: все они, как считал Редди, не оставляют возможности для политического сопротивления. Этот его тезис порождает много вопросов.

Прежде всего: в какой степени модель высказывания о чувствах можно переносить на высказывания, которые с чувствами ничего общего не имеют? (интернет-СМИ).

Местоположение: в абсолютном начале правого контекста, со смещением вглубь первого высказывания правого контекста или в абсолютном конце первого высказывания правого контекста. Может как начинать новый абзац, так и не создавать абзацного членения.

- Рассчитываем, что Директорат станет важным инструментом эффективной поддержки КТК по выполнению задач, определяемых Советом Безопасности. **Прежде всего**, речь идёт о тесной увязке двух ключевых направлений деятельности КТК на новом этапе: повышение эффективности системы оказания технического содействия и укрепление сотрудничества с международными региональными организациями (А.В. Конузин. Интервью по вопросам КТК <НКРЯ>).

- Понятие значения предложения рассматривается в РГ-80 как иерархически структурированное. Синтаксическая семантика понимается здесь трёхступенчато.

Прежде всего структурная схема предложения – отвлеченный образец, по которому строится предложение, – имеет грамматическое значение, общее для всех таких отвлеченных образцов (Акимов Г.Н., Вяткина С.В., Казаков В.П., Руднев Д.В. Синтаксис современного русского языка).

- В самом факте упоминания этого словосочетания – «Америка прежде всего» – много символического. Трудно понять, **прежде всего**, как Трамп мог решиться на такое? (Борис Межуев. «Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»).

- Известные жители Северной столицы рассказали, чего они ждут от нового президента России. Чтобы Россия была крепкой оборонной страной, **прежде всего** (интернет-СМИ).

Взаимодействие с другими скрепами: таким образом.

Возвращаясь к рассуждению, скажем, что всех сущих и веков бытие – от Предсущего; и всякие вечность и время – от Него; и всяких вечности и времени и всего чего бы то ни было сущего Он – предсущее Начало и Причина; и Ему все причастует; и ни от чего из сущего Он не отступает; и Сам существует до всего, и все в Нем составилось; и вообще, если что бы то ни было есть, в Предсущем то и есть, и уразумевается, и сохраняется; и бытие предоставляется прежде других Его причастий; и само по себе бытие старше бытия самой-по-себе жизни, бытия самой-по-себе-премудрости, бытия-самого-по-себе божественного подобия; и остальное, чему сущее причастно, прежде всего того причастно бытию; более того, все то, чему причастно сущее, само по себе причастно самому по себе бытию; и нет ничего из сущего, сущность и век чего не были бы самим бытием.

Прежде всего, таким образом, Бог по праву воспевается от самого старшего из всех Его даров как Суций. Ибо предьяея и сверхьяея предбытие и сверхбытие, Он сначала создал бытие вообще – я имею в виду само по себе бытие, – а затем с помощью самого бытия создал все что только есть сущего. (Ареопагит Дионисий. О божественных именах).

Взаимодействие с другими служебными словами: с союзом «и», с текстовыми союзами «и», «но»:

- То есть за то, что сейчас стоит задача – человек. **И, прежде всего**, дорогу молодым и уважение пожилым. Вторая часть – обустройство городского пространства (Борис Межуев. «Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»).

- Все зависит от того, как толковать некоторые правовые понятия. Вы смалодушничали тогда перед Гарднером, это так. **Но, прежде всего**, что такое малодушие, какова юридическая природа его? Если оно право необходимой обороны, то скажу под присягой, в те годы вы его не превысили – речь действительно шла о вашей жизни (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

Другие функции, кроме текстовой связи.

1. Относится к числу наиболее ярких показателей метатекста. Скрепа отражает осознание автором и/или адресатом содержания сказанного с выделением наиболее значимой информации.

2. Текстовый оператор: даёт сигнал о вводе в текст новой информации (правый контекст содержательно соотносится не с формально выраженным левым, а с определённой ситуацией, которая в тексте не выражена).

Прежде всего, малышу необходима любовь

Агранович Олеся

перинатальный психолог,

семейный консультант,

Москва

17 Апреля 2017

Современные родители владеют огромным количеством информации. Собственный опыт накладывается на опыт знакомых и друзей. В интернете масса статей и рекомендаций специалистов. Трудно не заблудиться в поисках лучшего для малыша среди этого потока информации. Хочется узнать сразу: стоит или не стоит приобретать новый гаджет для помощи с малышом (Олеся Агранович. Прежде всего, малышу необходима любовь).

Единицы, близкие по функции и семантике: «сначала», «главным образом».

Стилистическая маркированность: наиболее частотна в публицистических, научных и научно-популярных текстах, реже – в художественных текстах, редко – в официально-деловых.

Данные словарей.

1. Наречие. Сначала, как самое важное, главное [10. С. 321].

2. 1) Вводное выражение. То же, что «во-первых, главное». Выделяется знаками препинания, обычно запятыми. 2) Наречное выражение. То же, что «сперва, вначале, в первую очередь». Не требует постановки знаков препинания [11].

3. Прежде всего. Разг. В первую очередь [12. С. 520].

4. Прежде всего. Нареч. Сначала (как самое важное, самое главное) [13].

Иллюстрации.

1. • Жёсткие временные рамки разработки новых систем цифровой обработки сигнала и жёсткая конкуренция между разработчиками та-

ких систем определяют требования к используемым имитационным моделям. **Прежде всего**, имитационная модель должна удовлетворять двум основным требованиям: – адекватность модели исследуемой системе; – максимальное быстроедействие при минимуме затрат на разработку и верификацию модели (А.Ю. Савинков. Синхронизация и верификация в имитационном моделировании. <НКРЯ>).

- Однако есть и серьёзные отличия. **Прежде всего** – между электоральным, выборным полем и футбольной «поляной» (Иван Макушок. Подставные <НКРЯ>).

Следует отметить, что и в эпоху письменности определенные виды общения (прежде всего, разговорная речь) оставались преимущественно бесписьменными.

Период письменности ассоциируется у современного человека, **прежде всего**, с книгой в её обычном полиграфическом исполнении (Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс).

- Подойдём в этом разрезе к некоторым областям и проблемам языкознания.

Прежде всего о стилистике (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества).

- В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда (осуждается дилетант и шарлатан, т.е. тот, кто не умеет делать, а берется; **прежде всего**, это относится к представителям творческих профессий) (Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс).

2. Рост доходов вовсе не означает, что вас уже хорошо знают на рынке и реклама в прежних объёмах вам больше не нужна. **Прежде всего**, это свидетельство того, что реклама включилась в бизнес-процесс и нашла в нём своё место (Семь раз отрежь – один заплати <НКРЯ>).

3. Действительно современный человек способен уделить весьма немного времени и сил собственно духовному подвигу, даже если бы его вдруг освободили от повседневных обязанностей. Как же быть? **Прежде всего**, не стоит бросаться в крайности: выполнять все или не делать ничего. Надо проявлять рассудительность, поступать в меру своих сил и возможностей в каждый конкретный день (Анатолий Баданов. Зачем перечитывать Библию?).

Итак, словарная статья текстовой скрепы «прежде всего», подготовленная с опорой на разработанную А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой методику лексикографического описания единиц, способ-

ных выполнять функции текстовых скреп, представляет собой достаточно полное описание данной скрепы, в котором учтены её функциональные варианты, значение, особенности расположения в высказывании, пунктуационное оформление и др. В то же время необходимо отметить, что лексикографическое описание данных единиц представляет определённые трудности, связанные главным образом с их многофункциональностью. Так, фразеологизированное сочетание «прежде всего» может функционировать не только на текстовом уровне, но и на уровне высказывания, причём в разных функциональных вариантах. В связи с этим разработка параметров всеобъемлющего лексикографического описания подобных единиц является перспективным направлением работы. Кроме того, определённые трудности могут возникать и при разработке словарных статей самих текстовых скреп, так как к числу служебных слов данного типа относятся единицы, имеющие разную грамматическую природу и способные формировать разные грамматические конструкции. В связи с этим лексикографическое описание отдельных единиц может потребовать определённых корректировок некоторых параметров, однако все ключевые элементы словарной статьи останутся неизменными.

Список источников

1. Пилюгина Н.Ю., Шереметьева Е.С. Текстовая скрепа так или иначе: типы конструкций и функционально-семантический потенциал // Научный диалог. 2019. № 5. С. 123–138. doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-123-138 (дата обращения: 20.07.2021).
2. Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова *типа потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88–107.
3. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Кодзасов С.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнёры, 1993. 158 с.
4. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова. Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.
5. Стародумова Е.А., Завьялов В.Н., Шереметьева Е.С., Токарчук И.Н., Крылова Г.М., Сергеева Г.Н., Шнырик Е.А., Прияткина А.Ф., Окатова Н.Т., Зайцева Г.Д., Тюрин П.М., Откидыч Е.В., Конченко Т.В., Гавриленко В.В. Служебные слова в лексикографическом аспекте / отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP, Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.
6. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматиче-

ском аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334–344.

7. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.

8. Тюрин П.М. Текстовые функции оборота «прежде всего» // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР : материалы III междунар. форума, Владивосток, 14–19 октября 2019 года / отв. ред. А.А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. 1 CD-ROM; [348 с.]. Загл. с титул. экр. ISBN 978-5-7444-4909-4. Текст. Изображения: электронные. С. 150–154.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

10. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М. : Астрель: АСТ, 2003. С. 321.

11. Словарь-справочник по пунктуации // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://puntuaciya.academic.ru/590/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B5_%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE (дата обращения: 19.07.2021).

12. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. М. : АСТ; Астрель, 2008. С. 520.

13. Ефремова Т.Ф. Толковый онлайн-словарь русского языка. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BF%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B5_%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE (дата обращения: 19.07.2021).

References

1. Pilyugina, N.Yu. & Sheremet'eva, E.S. (2019) Text Bond TAK ILI INACHE: Types of Constructions and Functional-Semantic Potential. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 123–138. (In Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-123-138

2. Mustayoki, A. & Kopotev, M. (2004) K voprosu o statuse ekvivalentov slova tipa potomu chto, v zavisimosti ot, k sozhaleniyu [On the status of equivalents of the word like potomu chto, v zavisimosti ot, k sozhaleniyu]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 88–107.

3. Baranov, A.N. et al. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnery.

4. Priyatkina, A.F. & Starodumova, E.A. (eds) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Function Words of the Russian Language]. Vladivostok: Primpoligrafkombinat.

5. Starodumova, E.A. et al. (2017) *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte* [Function words in the lexicographic aspect]. [CD-ROM]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

6. Priyatkina, A.F. (2007) Tekstovye “skrepy” i “skrepy-frazy” (o rasshirenii kategorii sluzhebnykh edinit russkogo yazyka) [Text connectors and connector phrases (on the expansion of the category of function units of the Russian language)]. In: *Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie syazi i konstruktii)*.

Izbrannye trudy [Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic connections and constructions)]. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 334–344.

7. Priyatkina, A.F. & Starodumova, E.A. (2015) Tekstovye skrepy v “Slovere sluzhebnykh slov” [Text connectors in the Dictionary of Function Words]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 134–141.

8. Tyurin, P.M. (2020) [Text functions of the phrase “first of all”]. *Russkiy yazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR* [Russian language, literature and culture in the space of the Asia-Pacific Region]. Proceedings of the III International Forum, Vladivostok. 14–19 October 2019. [CD-ROM]. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 150–154. (In Russian).

9. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: A TEMP.

10. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu: Ok. 1500 ustoychivyykh sochetaniy rus. yaz.* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: about 1500 Russian stable phrases]. Moscow: Astrel': AST.

11. Akademik. (2021) *Slovar'-spravochnik po punktuatsii* [Reference dictionary on punctuation]. [Online] Available from: https://puntuaciya.academic.ru/590/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B5_%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE (Accessed: 19.07.2021).

12. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 13,000 phraseological units]. Moscow: AST: Astrel'.

13. Efremova, T.F. (2021) *Tolkovyy onlayn-slovar' russkogo yazyka* [Explanatory online dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BF%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B5-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE> (Accessed: 19.07.2021).

Сведения об авторе:

Тюрин Павел Михайлович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток). E-mail: tyurin.pm@dvfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pavel M. Tiurin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: tyurin.pm@dvfu.ru.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 11.03.2022; accepted for publication 02.12.2022.

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.17223/22274200/26/5

Психолингвистическая база данных TurkWordPerception как лексикографический источник (оценки вклада модальностей восприятия в семантику)

**Зоя Ивановна Резанова¹, Валерия Евгеньевна Владимирова²,
Тимур Евгеньевич Машанло³**

^{1, 2, 3} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

³ mashanlote@gmail.com

Аннотация. Представлена психолингвистическая база данных об оценках вклада пяти модальностей восприятия в формирование семантики существительных, прилагательных и глаголов татарского и хакасского языков. База данных характеризуется как лексикографический источник: представлены формирование словника, адаптация анкет для сбора данных, содержание и структура данных в базе. Характеризуются источниковедческие возможности базы данных в психолингвистических исследованиях и приводятся результаты первичного статистического анализа данных.

Ключевые слова: психолингвистические базы данных, модальности восприятия, татарский язык, хакасский язык, анкетирование, шкала Ликерта

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Резанова З.И., Владимирова В.Е., Машанло Т.Е. Психолингвистическая база данных TurkWordPerception как лексикографический источник (оценки вклада модальностей восприятия в семантику)// Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 96–114. doi: 10.17223/22274200/26/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/5

Psycholinguistic database TurkWordPerception as a lexicographic source (assessments of the contribu- tion of perception modalities to semantics)

Zoya I. Rezanova¹, Valeria E. Vladimirova², Timur E. Mashanlo³

^{1, 2, 3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

³ mashanlote@gmail.com

Abstract. This article presents TurkWordPerception (<http://clingv.ru:3839/>), a psycholinguistic database (PBD) on the assessment of 600 words of the Khakas and Tatar languages. The PBD was created within the framework of the project for studying the linguistic diversity of Southern Siberia. The article substantiates the theoretical foundations, data structure, methods of collecting the material. Using the descriptive statistical data based on the database materials, source studies capabilities of the PBD are assessed. When creating the database, the authors employed works in the field of the theory of embodied cognition, the study of linguistic relativity and the theory of the bilingual mental lexicon. The database includes assessments of 200 nouns, 200 adjectives, and 200 verbs for both Tatar and Khakas, which are translated equivalents of RuWordPerception data words. Information about the assessment of the relationship between the words of the two Turkic languages and the modalities of perception was collected using the questionnaire method based on the seven-point Likert scale. Data collection was carried out using paper questionnaires or in the experiment created in the PsychoPy software. Metadata about the respondents were also collected based on the sociolinguistic questionnaire and the language experience questionnaire. Currently, the database includes assessments of 600 words of the Tatar language in 5 modalities of perception, received from 75 respondents – 142,225 assessments; 600 words of the Khakas language in 5 modalities of perception, received from 93 respondents – 188,370 assessments. The article uses descriptive statistics to monitor primary data sources, which are compared with

similar RuWordPerception data. Speakers of the Tatar and Khakas languages give assessments of strong connection with all modalities of perception and of average connection – above 4. Tatar speakers give lower assessments in all modalities of perception compared to Khakas speakers (the significance level $p=0.00$ according to the Mann-Whitney test). Comparison of these data with assessments of Russian transliterated equivalents given by speakers of the Tatar and Khakas languages revealed a high degree of generality of the level of assessments given by representatives of the two language communities, with an inverse relationship: the Tatar give higher assessments of Russian translation equivalents compared to the Khakas. Evaluating the words of the Russian language, the speakers of Tatar and Khakas give lower assessments to them than to the words of their native languages. TurkWordPerception data can serve as a basis for conducting a multilateral analysis with the data obtained in world psycholinguistics on the material of other languages, and in general will contribute to the introduction of the Tatar and Khakas languages into the paradigm of psycholinguistic research.

Keywords: psycholinguistic databases, modalities of perception, Tatar language, Khakas language, questioning, Likert scale

Acknowledgments: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Rezanova, Z.I., Vladimirova, V.E. & Mashanlo, T.E. (2022) Psycholinguistic database TurkWordPerception as a lexicographic source (assessments of the contribution of perception modalities to semantics). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 96–114. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/5

Создание баз данных сегодня является одним из активно развивающихся прикладных направлений различных научных исследований, в том числе в лингвистике и психолингвистике. Данный тип электронных источников в настоящее время дополняет ресурсную базу проводимых исследований, представленную традиционными и электронными словарями и корпусами текстов.

Отбор единиц в базах данных и их параметризация определяются как общими особенностями предметной сферы, так и проблемными вопросами в частных научных направлениях, на решение которых они направлены. Вследствие этого состав базы данных и параметризация входящих в нее единиц в разной степени могут определяться частными теориями в рамках какой-либо науки (см. например, об этом [1]). При этом создаваемые базы данных могут быть представлены и в виде традиционных печатных изданий, как, например, психолингвисти-

ческая база данных о перцептивной и оценочной семантике русских прилагательных в словаре М.Г. Колбеновой, Ю.И. Александрова [2], так и, что гораздо более распространено, в виде электронных ресурсов, снабженных функцией автоматического поиска данных (например, [3–7] и др.).

Отметим, что для современного этапа развития психолингвистики характерным является создание двух типов баз данных. Создаются психолингвистические базы данных (ПБД), включающие оценки тысячами респондентов десятков, иногда сотен тысяч единиц и являющиеся результатом проведения мегаисследований международными коллективами (The English lexicon project [3], The French Lexicon Project [4], The Malay lexicon project [5] и др.). В качестве соотносительного с данными проектами следует отметить единственный проект на материале русского языка «StimulStat Project» («Лингвистическая база данных для слов русского языка»), в котором более 50 000 наиболее частотных слов русского языка и их форм описаны более чем по 97 различным параметрам [5, 7].

В то же время продолжают создаваться ПБД, ориентированные на проведение факторных исследований, направленные на проверку частных гипотез и теорий (см. обзор проектов данной весьма развитой традиции в [8], сайт, содержащий ссылки на мега-исследования, – в [9]). Одним из направлений развития таких проектов является вовлечение материалов все новых языков, создающих основу проведения сравнительных исследований. И все же количество языков, нормативные данные о психолингвистических параметрах единиц которых представлены в доступных для анализа ПБД, невелико. На материале русского языка и такие проекты, и исследования, выполняемые на их базе, единичны, при этом подчеркнем их значимость для включения данных о нормах оценок по психолингвистическим параметрам русского языка в общемировую парадигму и проведение собственно компаративных исследований [10–13]. Задача привлечения материалов других языков народов Российской Федерации при создании ПБД, которые бы могли послужить материалом проведения психолингвистических исследований, ждет своего решения. Нам известен только один проект ПБД, реализованный с вовлечением материала татарского языка. Это «Библиотека стимулов. Глаголы и существительные». В ней представлены соотнесенные данные об оценках единиц русского и татарского языков (696 существительных и 407 глаголов: данные по параметрам) [14].

В данной статье авторы представляют созданную в рамках проекта по исследованию языкового разнообразия Южной Сибири ПБД TurkWordPerception, включающую данные об оценках 600 слов русского и татарского языков по 5 модальностям восприятия. Представляемая база данных теоретически, по составу словника, методике сбора и обработки данных соотнесена с созданной ранее в проекте ПБД «RuWordPerception» [15]. «RuWordPerception» включает системы оценок 5 модальностей восприятия 200 существительных, 200 прилагательных, 200 глаголов русского языка носителями данного языка как родного и тюркско-русскими билингвами, являющимися носителями шорско-русского, хакасско-русского, татарско-русского билингвизма. Концепция психолингвистической базы данных, созданной на предшествующих этапах развития проекта RuWordPerception, представлена в статье З.И. Резановой, Т.Е. Машанло, А.А. Степаненко [16]. Кратко охарактеризуем объединяющие данные ПБД теоретические основания.

При создании БД мы основывались на работах в области теории воплощенного познания, прежде всего на работах Л. Барсолу [17, 18]. Основная идея теории воплощённого познания – познание/мышление основано на телесных механизмах и не может быть рассмотрено в отрыве от внешних условий его протекания. По теории Л. Барсолу, при использовании слов естественного языка, имеющих символическую природу, осуществляется активация соответствующих перцептивных символов и формирование симуляций, основывающихся на опыте восприятия мира органами чувств, что, как правило, не находится под контролем сознания. Основная направленность ПБД – представление данных о субъективных оценках носителями языков вклада перцептивного опыта, формируемого активацией пяти органов чувств, в семантику слов. Теоретической основой TurkWordPerception являются также положения гипотезы лингвистической относительности об обратном влиянии языка на восприятие и интерпретацию опыта физических контактов человека в «реальном мире». Подробнее об этом мы писали в [16], в данном случае еще раз подчеркнем, что, несмотря на то, что основные идеи данной гипотезы были высказаны почти столетием назад, вокруг нее не затихают споры. Новый всплеск интереса к гипотезе связан с развитием когнитивной науки, особенно той ее части, которая направлена на поиск экспериментальных подтверждений или опровержений положения об обусловленности когнитивных процессов языковой формой. Создаваемая база данных представляет эм-

пирический материал, который в соотнесении с данными, уже опубликованными БД RuWordPerception, позволит выявить наличие или отсутствие различий восприятия одних и тех же концептов в разных языках, что может быть использовано в качестве эмпирического материала для экспериментальной проверки данной гипотезы. Ранее проведенный на основе данных RuWordPerception сравнительный анализ оценок русских существительных по модальностям восприятия носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами выявил как наличие значительной общности в системе оценок, так и частных различий. Результаты кластерного анализа показали, что в группе носителей русского языка как родного проявляются связи между визуальной и тактильной модальностью, а в группе татарско-русских билингвов соответствующая связь устанавливается с аудиальной модальностью [19]. Обнаружение таких различий закономерно ставит вопрос об их истоках, которые, очевидно, базируются в различиях языкового маркирования основных перцепций в структурах материнских тюркских языков билингвов. Для выявления характера данных влияний и создавалась на следующем этапе развития проекта база данных оценок слов тюркского языка, репрезентирующих в материнских языках билингвов те же концепты, которые были отражены в лексическом составе русскоязычной базы данных. Таким образом, третьей базовой теорией при создании представляемой ПБД является теория ментального лексикона билингва, основная идея которой заключается в утверждении наличия в языковом сознании билингва двух систем, взаимодействующих при формировании трех компонентов ментальных репрезентаций: концептов – семантики – языковой формы [20].

При общности теоретических основ двух создаваемых баз данных мы естественным образом стремились также к сохранению в них общих контуров структуры данных. Однако в характеризующей ПБД по отношению к предшествующей были внесены частные изменения. TurkWordPerception включает только системы оценок слов по модальностям восприятия, в ней на данном этапе не представлены данные о субъективной частотности и возрасте усвоения, единицы не характеризуются по собственно лингвистическим характеристикам в структурах соответствующих языков, но данные позволяют проводить анализ языковых детерминаций на уровнях лексической и грамматической частеречной категоризации. Данные о субъективной ча-

стотности и возрасте усвоения татарских и хакасских слов вошли в третью создаваемую коллективом Лаборатории лингвистической антропологии ПБД RuTurkPsychLing.

Социолингвистические характеристики респондентов, оценки их языкового опыта собирались в соответствии с разработанной для БД RuWordPerception системой.

Словник базы данных формировался переводными эквивалентами русскоязычной базы данных RuWordPerception. В первичной ПБД состав формировался по принципу случайной выборки единиц, направленной на выявление некоего усредненного показателя связей слов трех базовых частей речи с модальностями восприятия без ориентации на отдельные лексико-семантические группы (ЛСГ). Однако материалы позволяют делать выборки по ЛСГ, которые могут собираться автоматически по семантическим тегам [15]. Переводы были осуществлены носителями языка, сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии, на татарский язык – Р. Дусеевым, на хакасский – А. Кольчиковой. При переводе мы руководствовались несколькими критериями: если слово русского языка имело несколько значений, выбиралось то, которое является более частотным; если слово имеет несколько вариантов перевода на татарский или хакасский, то для базы данных отбирался более частотный вариант; в состав словника базы данных включались переводы, состоящие из одного слова; если у слова было два варианта перевода (заимствование из русского слова и исконное тюркское слово), выбирался второй вариант. Выбор осуществлялся составителями базы данных на основе словарей татарского и хакаского языков и с учетом экспертных оценок носителей этих языков, членов Лаборатории лингвистической антропологии. Примеры соотнесенных словников представлены в табл. 1.

Для сбора оценок слов трех частей речи татарского и хакаского языков по вкладу в их семантику модальностей восприятия использован метод анкетирования по методике шкалирования (семичленная шкала Ликета). Содержательно инструкции в своей основе соответствовали представленным в RuWordPerception) (см.: [16]). Так как носители татарского и хакаского языков в совершенстве владеют русским языком, на котором получали образование и который в настоящее время является функционально доминирующим, вытесняя материнские языки в сферы семейного и обыденного общения, анкетирование проводилось на русском языке.

Т а б л и ц а 1

Примеры соотнесенных лексем в составе двух баз данных

Русский язык	Татарский язык	Хакасский язык
Прилагательные		
мыльный	сабынлы	сабынныг
рыжий	жирән	чигірен
трогательный	дулкынландыргыч	черексіністіг
червивый	кортлы	хурттыг
ягодный	жиләк	чистектіг
Существительные		
муха	чебен	сеек
нож	пычак	пычак
отец	эти	паба
сила	көч	күс
чайник	чәйнек	чейник
Глаголы		
смотреть	карга	көрерге
уколоть	чәнчергә	хазабызарға
храпеть	гырылдарга	харых тартарға
украсть	урларга	огырлап аларға
хлопать	кагарга	хол сабарға

Уровень владения русским языком устанавливался по данным анкетирования (использовалась социолингвистическая анкета и анкета языкового опыта билингва). При этом в текст инструкции в качестве типовых примеров оценивания вклада конкретных модальностей восприятия были включены слова из родных для респондентов языков – хакасского и татарского. Данные слова – калибраторы – отбирались экспертами составителями инструкций на основе данных словарей и оценивались экспертами, носителями соответствующих языков, Р. Дусеевым и А. Кольчиковой. В качестве таких единиц включались слова, которые называли признаки, объекты, действия, имеющие высокий вклад конкретных модальностей (например, калибраторы оценки вклада аудиальной модальности на татарском языке: чиртеш «щелчок», сөйләм «разговорный», чакырырга «звать»). Оценки таких слов в дальнейшем использовались для контроля действий респондента: при наличии сильной связи с соответствующей модальностью восприятия в качестве допустимого принимался диапазон оценок от 5 до 7. В повторяющихся случаях неверных оценок калибраторов респондент не мог пройти основную часть анкетирования.

На рис. 1 представлена инструкция, адресованная носителям татарского языка. Формат сбора данных претерпел некоторые изменения, что было сделано в результате критического анализа опыта сбора данных в первую ПБД. Мы отказались от отдельных анкет для каждой из модальностей, что было реализовано при сборе данных в RuWordPerception. Участники сразу оценивали слово по всем модальностям (рис. 1 с примером бумажной анкеты). Содержательно инструкции соответствовали представленным в RuWordPerception.

Разные слова могут быть связаны с разными ощущениями – зрением, слухом, вкусом, запахом и осязанием. Например, слово *табыдыг* связано в большей степени со вкусом, в то время как слово *хызарара* – со зрением; слово не обязательно связано только с одним ощущением, например, слово *торгы* может вызывать ассоциации как со зрением, так и с осязанием, однако у одного человека слово *торгы* теснее связано со зрением, а у другого – с осязанием.

Ваша задача – оценить то, как сильно связано указанное слово с различными ощущениями. Для оценивания используйте нижеприведенную таблицу, в которой 1 обозначает отсутствие у слова связи с конкретным ощущением, а 7 указывает на максимально тесную связь слова с данным ощущением. Пожалуйста, при оценивании слов используйте всю шкалу от 1 до 7.

1 Не связано	2 Очень слабо связано	3 Слабо связано	4 Связано ни слабо, ни тесно	5 Тесно связано	6 Очень тесно связано	7 Максимально тесно связано
ipiri	Зрение:					
	Осязание:					
	Вкус:					
	Запах:					
	Слух:					
sirpic	Зрение:					
	Осязание:					
	Вкус:					
	Запах:					
	Слух:					

Рис. 1. Пример инструкции, использованной в исследовании

Мы отказались от применения онлайн-анкетирования с помощью гугл-анкет, так как обработка данных, полученных на предшествующем этапе, выявила значительное количество недобросовестно заполненных анкет респондентами. Мы вернулись к практике сбора данных с присутствием экспериментатора в двух вариантах – с использованием бумажных анкет и на основе созданного в программном обеспечении PsychoPy эксперимента, проводимого на компьютерах в лаборатории (рис. 2 с примером эксперимента в электронном виде). Анкетирование при помощи PsychoPy давало возможность рандомизировать порядок представления стимулов, бумажные анкеты были представ-

лены в двух вариантах на каждый язык с целью рандомизации представления стимулов. Процедура рандомизации задаваемых стимулов была направлена на устранение двух нежелательных эффектов при сборе данных с предъявлением списка слов: 1) уставание респондента, рассеивание внимания; 2) эффект праймирования соседними словами в списке.

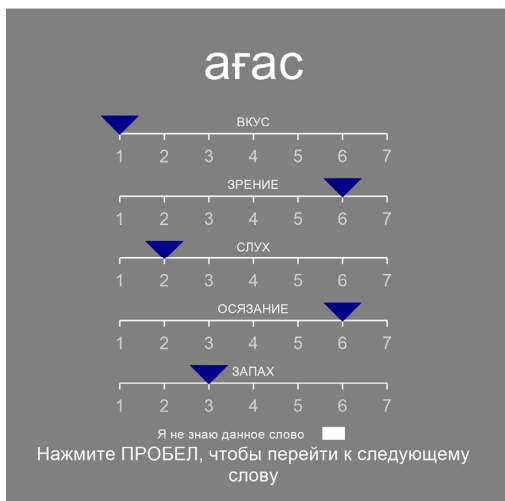

Рис. 2. Фрагмент эксперимента в программном обеспечении PsychoPy

Содержательно инструкции соответствовали представленным в RuWordPerception.

В настоящее время база данных включает оценки 600 слов татарского языка по 5 модальностям восприятия, полученные от 75 респондентов (среди которых 42 – мужчины), средний возраст респондентов – 27 лет, $SD = 12$, все участники – носители хакасского как родного, владеют русским в совершенстве, по их субъективным оценкам, называют русский родным языком наравне с татарским – 142 225 реакций; 600 слов хакасского языка по 5 модальностям восприятия, полученные от 93 респондентов (среди которых 52 – мужчины), средний возраст респондентов – 26 лет, $SD = 9$, все участники носители хакасского как родного, владеют русским в совершенстве – по их субъективным оценкам, называют русский родным языком наравне с хакасским – 188 370 реакций.

Объем собранных данных постоянно пополняется, но уже на данном этапе собранный материал позволяет проводить исследования влияния факторов этнокультурных и этноязыковых различий (тюркско-русское языковое взаимодействие) на восприятие эквивалентных лексических единиц.

Далее мы приведем результаты базового анализа данных в их соотношении с соответствующими данными «RuWordPerception» на примере фрагмента ПБД – оценок по основным модальностям восприятия слов. Статистический анализ был реализован на языке программирования R 3.3.1.

На начальном этапе данные были усреднены и затем были получены результаты описательной статистики оценок по 5 модальностям восприятия 600 слов, татарских и хакасских переводных аналогов, данных 2 группами респондентов – татарско-русскими билингвами, хакасско-русскими билингвами.

Данные описательной статистики представлены в табл. 2 (Средн. – среднее значение; Мин., Макс. – минимальное и максимальное значения; L1-T – данные об оценках носителями языка слов татарского языка; L1-Kh – данные об оценках носителями языка слов хакасского языка).

Т а б л и ц а 2

Описательные статистики оценок по 5 модальностям восприятия 600 слов хакасского и татарского языков татарско-русскими и хакасско-русскими билингвами

Модальности восприятия	Средн.		Мин.		Медиана		Макс.	
	L1-Kh	L1-T	L1-Kh	L1-T	L1-Kh	L1-T	L1-Kh	L1-T
Связь со зрением	4.12	4.06	3.59	3.36	4.13	4.05	4.58	5.03
Связь со слухом	4.09	3.95	3.66	3.11	4.09	3.94	4.61	4.86
Связь с обонянием	4.05	3.92	3.55	3.23	4.04	3.92	4.55	4.62
Связь со вкусом	4.04	3.91	3.41	3.31	4.04	3.90	4.49	4.78
Связь с осязанием	4.09	3.98	3.61	3.40	4.092	3.96	4.69	4.67

Как можно видеть, носители татарского и хакасского языков 1) дают высокие оценки связи со всеми модальностями восприятия, средние – выше 4 (при семичленной шкале оценок); 2) наблюдаются различия в оценках – носители татарского языка дают более низкие

оценки по всем модальностям восприятия по сравнению с носителями хакасского языка. Данное различие достигает уровня статистической значимости, что подтверждается сравнением двух групп по критерию Манна–Уитни (этот критерий применен, так как распределение данных не является нормальным), уровень значимости $p < 0,001$. Подчеркнем, что данные описательной статистики представляют результаты, усредненные относительно единиц языка, выбранных методом случайной выборки, данные относительно единиц отдельных частей речи исследователь может получить, извлекая из базы данных оценки слов отдельных лексико-семантических групп.

Сравним эти данные с оценками русских переводных эквивалентов, указанными носителями татарского и хакасского языков по материалам ПБД RuWordPerception, представленные в табл. 3 (система маркирования данных та же, что и в табл. 2).

Т а б л и ц а 3

Описательные статистики оценок по 5 модальностям восприятия 600 слов русского языка татарско-русскими и хакасско-русскими билингвами

Модальности восприятия	Средн.		Мин.		Медиана		Макс.	
	L1-T	L1-Kh	L1-T	L1-Kh	L1-T	L1-Kh	L1-T	L1-Kh
Связь со зрением	3.32	3.26	1.60	1.22	3.21	3.13	6.28	6.44
Связь со слухом	2.81	2.55	1.37	0.90	2.59	2.29	6.02	6.30
Связь с обонянием	2.45	2.14	1.34	1.09	2.06	1.77	5.88	6.00
Связь со вкусом	2.31	2.14	1.31	1.12	1.92	1.80	6.31	6.34
Связь с осязанием	2.98	2.66	1.46	1.23	2.85	2.47	5.87	5.78

Сравнение этих данных с оценками русских переводных эквивалентов, указанных носителями татарского и хакасского языков (по материалам ПБД RuWordPerception) свидетельствует о том, что: 1) в этом случае также проявляется значительная степень общности уровня оценок, данных представителями двух языковых сообществ, однако татары, в противоположность оценкам слов родного языка, дают более высокие оценки русским переводным эквивалентам по сравнению с хакасами; 2) оценивая слова русского языка, носители татарского и хакасского дают им менее высокие оценки, нежели словам

родных языков, – даже наиболее высокая связь со зрением получила средние оценки менее 4, другие модальности восприятия – менее 3.

Представим данные в диаграммах размаха. На рис. 3–6 в графиках на оси *X* маркированы цифрами оценки вклада модальностей восприятия: 1 – аудиальное, 2 – обонятельное, 3 – вкусовое, 4 – тактильное, 5 – зрительное; на оси *Y* – средние оценки по 7-балльной шкале.

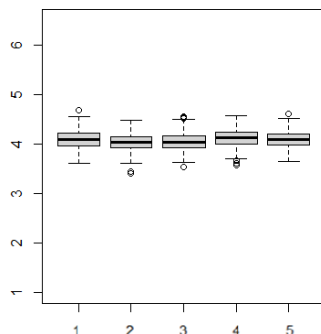

Рис. 3. Диаграмма размаха оценок связи с модальностями восприятия слов хакасского языка носителями хакасского языка

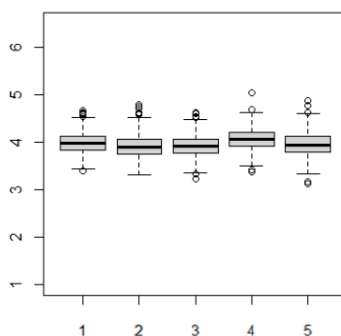

Рис. 4. Диаграмма размаха оценок связи с модальностями восприятия слов татарского языка носителями татарского языка

Далее представим диаграммы размаха оценок, данных носителями татарского и хакасского языков словам русского языка. Как можно видеть при сравнении диаграмм, при общей направленности распределения оценок наблюдаются значительные отличия.

Отметим общий характер соотношения оценок – более высокий уровень оценок связей слов со зрительной модальностью (5 из 7 на всех рисунках при максимально возможной 7) и наиболее низкий – с обонятельной и вкусовой (2 и 3 на всех рисунках, при минимальной 1), которые дают носители двух языков при оценке слов и родного и второго, русского, языка.

Однако при этом мы видим существенные различия в перепадах уровней различий. Оценивая по степени связи с обонятельной и вкусовой модальностью слова родного языка, хакасы и татары дают им значимо более высокие оценки, по сравнению с русскими переводными эквивалентами (ср. обоняние: хакасы 4.05 vs 2.11, татары 3.929 vs 3.93; вкус: хакасы 4.04 vs 2.14; татары 3.91 vs 2.31).

Однако и разброс оценок русских слов билингвами намного больше. Об этом свидетельствует значительное количество выбросов: это не случайные оценки или ошибки, от которых можно избавиться. Это показатель разнообразия выборки и оценок респондентов, с чем также связана ненормальность распределения.

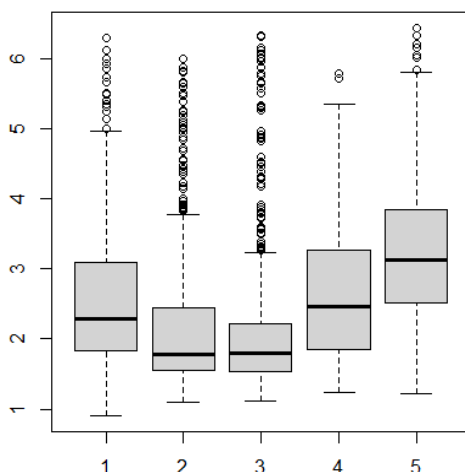

Рис. 5. Диаграмма размаха оценок носителями хакасского языка связи русских слов с модальностями восприятия

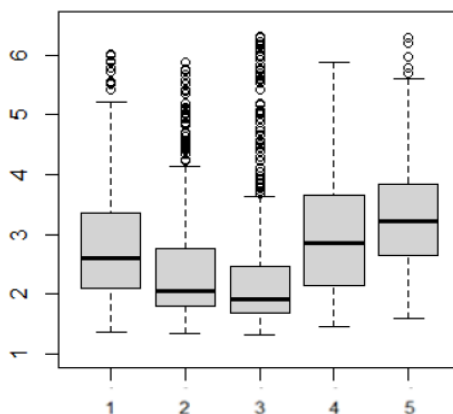

Рис. 6. Диаграмма размаха оценок носителями татарского языка связи русских слов с модальностями восприятия

Как следует из приведенного в таблицах и рисунках размаха данных, с одной стороны, наблюдаются общие закономерности, выявленные в материалах русскоязычной ПБД, а именно более высокие оценки зрительной и аудиальной модальностей, однако был обнаружен высокий уровень близости средних оценок полученных данных у татарско-русских и хакасско-русских билингвов и значительное отличие оценок, которые давали билингвы переводным эквивалентам – русским словам, где наблюдался значительно больший разброс оценок по разным типам модальностей восприятия. В результате проведенного первичного анализа мы делаем вывод, что одни и те же концепты, названные респондентам через посредство номинаций русского и родного языка, оценивались по связям с модальностями восприятия со значительной долей различий.

Таким образом, в статье была охарактеризована база данных как лексикографический источник, включающая информацию о психолингвистически релевантных параметрах 600 слов татарского и хакаского языков. Данные о вкладе модальностей восприятия учитываются при отборе стимульного материала в психолингвистических экспериментальных исследованиях процессов когнитивной обработки слов. Созданная база данных будет способствовать расширению эмпирической базы такого типа исследований в мировой психолингвистике. Данные TurkWordPerception могут послужить основой проведения их многостороннего сравнения с данными, полученными в ми-

ровой психолингвистике на материале других языков, и будут способствовать введению татарского и хакасского языков в парадигму психолингвистических исследований.

TurkWordPerception является постоянно пополняемой ПБД, но уже собранный материал позволяет сделать первичный вывод о том, что одни и те же концепты, поименованные переводными эквивалентами родного и второго, осваиваемого языка, оцениваются по вкладу модальностей восприятия по-разному, т.е. перцептивные компоненты занимают разное положение в структуре концептов в ментальном лексиконе билингвов, соотносимых с номинациями из системы родного и осваиваемого языков. Применение других методов статистического анализа к выборкам единиц, формируемым по заданным в базе данных основаниям, позволит выявить более сложные системы соотношения оценок вклада модальностей восприятия как внутри выделенных групп лексики, так и между группами.

Список источников

1. Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3).
2. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М. : Языки славянских культур, 2010. 369 с.
3. Balota D.A., Yap M.J., Cortese M.J., Hutchison K.A., Kessler B., Loftus B., Neely J.H., Nelson D.L., Simpson G.B., Treiman R. The English lexicon project: A user's guide // Behav. Res. Methods. 2007. № 39. P. 445–459.
4. Yap M. J., Rickard Ferrand L., New B., Brysbaert M., Keuleers E., Bonin P., Méot A., Augustinova M., Pallier C. The French Lexicon Project: Lexical decision data for 38,840 French words and 38,840 pseudowords // Behav. Res. Methods. 2010. № 42. P. 488–496.
5. Liow S.J., Jalil S. B., & Faizal S. S.B. The Malay lexicon project: A database of lexical statistics for 9,592 words // Behav. Res. Methods. 2010. № 42. P. 992–1003.
6. StimulStat Project / Лингвистическая база данных для слов русского языка. URL: http://stimul.cognitivestudies.ru/ru_stimul (дата обращения: 06.10.2019).
7. Alexeeva S., Slioussar N., Chernova D. StimulStat: A lexical database for Russian // Behav. Res. Methods. 2018. № 50. P. 2305–2315. doi: 10.3758/s13428-017-0994-3
8. Keuleers E., Balota D.A. Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2015. № 68(8). P. 1457–1468. doi: 10.1080/17470218.2015.1051065
9. Word megastudy data available. URL: <http://crr.ugent.be/programs-data/megastudy-data-available> (дата обращения: 13.03.2022).

10. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of psycholinguistic research. 2018. Vol. 47. № 3. P. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1

11. Grigoriev A., Oshhepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: relationships with other psycholinguistic variables // Behav. Res. Methods. 2013. № 45 (4). P. 1208–1217. doi: 10.3758/s13428-013-0319-0. PMID: 23435657

12. Akinina Y., Malyutina S., Ivanova M., Iskra E., Mannova E., Dragoy O. Russian normative data for 375 action pictures and verbs // Behav. Res. Methods. 2015. № 47 (3). P. 69–707. doi:10.3758/s13428-014-0492-9

13. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92. doi: 10.17223/19986645/43/6

14. Акинина Ю.С., Грабовская М.А., Вечкаева А.М., Игнатъев Г.А., Исавев Д.Ю., Ханова А.Ф. Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языка // Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 93–95.

15. Психолингвистическая база данных RuWordReception. URL: <http://clingv.ru:3839/> (дата обращения: 06.03.2022).

16. Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49–57. doi: 10.17223/15617793/450/6

17. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. Vol. 59. P. 617–645. doi: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093639

18. Barsalou L.W., Simmons W.K., Barbey A.K., Wilson C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // Trends in cognitive sciences. 2003. Vol. 7. № 2. P. 84–91. doi: 10.1016/S13646613(02)000293

19. Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюрко-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. doi: 10.17223/15617793/455/5

20. Pavlenko A. The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches. Bristol : Multilingual Matters, 2009. 272 p.

References

1. Mishankina, N.A.(2013) Databases in Linguistic Research. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). (In Russian).

2. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskii slovar'* [Sense organs, emotions and adjectives of the Russian language: Linguistic and psychological dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Balota, D.A. et al. (2007) The English lexicon project: A user's guide. *Behav. Res. Methods*. 39. pp. 445–459.
4. Yap, M.J. et al. (2010) The French Lexicon Project: Lexical decision data for 38,840 French words and 38,840 pseudowords. *Behav. Res. Methods*. 42. pp. 488–496.
5. Liow, S.J., Jalil, S.B. & Faizal S.S.B. (2010) The Malay lexicon project: A database of lexical statistics for 9,592 words. *Behav. Res. Methods*. 42. pp. 992–1003.
6. *StimulStat Project | Lingvisticheskaya baza dannyykh dlya slov russkogo yazyka* [StimulStat Project | Lexical database for Russian language]. [Online] Available from: http://stimul.cognitivestudies.ru/ru_stimul (Accessed: 06.10.2019).
7. Alexeeva, S., Slioussar, N. & Chernova, D. (2018) StimulStat: A lexical database for Russian. *Behav. Res. Methods*. 50. pp. 2305–2315. doi: 10.3758/s13428-017-0994-3
8. Keuleers, E. & Balota, D.A. (2015) Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 68(8). pp. 1457–1468. doi: 10.1080/17470218.2015.1051065
9. Crr.ugent.be. (2022) *Word megastudy data available*. [Online] Available from: <http://crr.ugent.be/programs-data/megastudy-data-available> (Accessed: 13.03.2022).
10. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47 (3). pp. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1.
11. Grigoriev, A. & Oshhepkov, I. (2013) Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: relationships with other psycholinguistic variables. *Behav. Res. Methods*. 45 (4). pp. 1208–1217. doi: 10.3758/s13428-013-0319-0. PMID: 23435657
12. Akinina, Y. et al. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behav. Res. Methods*. 47 (3). pp. 69–707. doi:10.3758/s13428-014-0492-9
13. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/43/6
14. Akinina, Yu.S. et al. (2016) [Library of psycholinguistic stimuli: new data for the Russian and Tatar languages]. *Abstracts of the Seventh International Conference on Cognitive Science*. Svetlogorsk. 20–24 June 2016. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. pp. 93–95. (In Russian).
15. RuWordReception Psycholinguistic Database. [Online] Available from: <http://clingv.ru:3839/> (Accessed: 06.03.2022).
16. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) A Bilingual Perspective on the Perceptual Component of Word Semantics in Russian: The RuWordPerception Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

universiteta – Tomsk State University Journal. 450. pp. 49–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/6

17. Barsalou, L.W. (2008) Grounded cognition. *Annu. Rev. Psychol.* 59. pp. 617–645. doi: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093639

18. Barsalou, L.W. et al. (2003) Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems. *Trends in Cognitive Sciences*. 7 (2). pp. 84–91. doi: 10.1016/S13646613(02)000293

19. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2020) The Perceptual Component of Noun Semantics in the Perception of Native Russian Speakers and Turkic-Russian Bilinguals (Based on the RuWordPerception Psycholinguistic Database). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 32–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/455/5

20. Pavlenko, A. (2009) *The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches*. Bristol: Multilingual Matters.

Сведения об авторах:

Резанова Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики ТГУ, заместитель зав. Лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Владимирова Валерия Евгеньевна – канд. филол. наук, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: picture_perfect@mail.ru

Машанло Тимур Евгеньевич – канд. филол. наук, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mashanlote@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zoya I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General, Computational and Cognitive Linguistics, deputy head of the Linguistic Anthropology Laboratory, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Valeria E. Vladimirova, Cand. Sci. (Philology), junior researcher, Linguistic Anthropology Laboratory, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: picture_perfect@mail.ru

Timur E. Mashanlo, Cand. Sci. (Philology), junior researcher, Linguistic Anthropology Laboratory, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mashanlote@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 02.12.2022.*

*The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 02.12.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2022. № 26

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 28.12.2022 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 7,2; усл. печ. л. 6,7. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5273.

Дата выхода в свет 20.01.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru